

Институт российской истории
Российской академии наук

РОССИЯ

на международных
форумах и конгрессах
XVII – начала XX века

Москва

«Международные отношения»

УДК 94(47).05/.083:327
ББК 63.3(2)5-613
P76

Редколлегия:

А. В. Виноградов (отв. редактор),
М. Ю. Анисимов (отв. секретарь),
И. С. Рыбачёнок

*Печатается по решению Ученого совета
Института российской истории РАН*

Рецензенты:

д-р истор. наук В. Я. Гросул,
канд. истор. наук В. А. Артамонов

P76 **Россия на международных форумах и конгрессах XVII — начала XX века** / отв. ред. А. В. Виноградов. — М. : Международные отношения, 2021. — 552 с.

ISBN 978-5-7133-1678-5

В коллективной монографии исследуются место и роль России в системах международных отношений XVII — начала XX в. Внимание авторов сосредоточено на формировании России как великой европейской державы и ее участии в международных форумах, на которых обсуждались основные проблемы мировой политики.

Тенденция участия России в международных конгрессах и форумах XVII — начала XX в. наглядно свидетельствует об изменении и возрастании роли России на протяжении столетий. В XVII в. Россия являлась одним из гарантов Вестфальского мира 1648 г. В результате успешной Северной войны Россия превратилась в великую европейскую, а затем и мировую державу, без участия которой было невозможно решение ни одного крупного вопроса международной жизни.

Результаты исследования могут быть использованы при подготовке курсов лекций и вузовских учебников. Книга будет полезной для историков-специалистов, политологов, экспертов-международников при анализе современной международной ситуации.

УДК 94(47).05/.083:327
ББК 63.3(2)5-613

ISBN 978-5-7133-1678-5

© Институт российской истории РАН, 2021
© Коллектив авторов, 2021
© Подготовка к изданию и оформление.
ООО «Издательство «Международные
отношения»», 2021

РОССИЯ НА КАРЛОВИЦКОМ КОНГРЕССЕ 1698–1699 ГОДОВ

Карловицкий (Карловацкий) конгресс 1698–1699 гг. является одним из важнейших событий в истории отечественной дипломатии. Россия впервые участвовала в качестве полноправной стороны в международном конгрессе, вошедшем составным элементом в так называемую Вестфальскую систему. Переговоры проходили в 1698–1699 гг. в местечке Карловицы (Славония) между странами Священной лиги (Священная Римская империя, Венеция, Речь Посполитая, Россия) и Османской империей. Интересы нашей страны представлял думный советник П. Б. Возницын, командированный на конгресс из состава Великого посольства 1697–1698 гг. после отъезда основной части миссии из Вены в Москву. В результате длительных и сложных переговоров все страны лиги, кроме России, заключили с турками мирные соглашения на длительный срок. Возницыну удалось добиться лишь двухгодичного перемирия, во время которого Петр I окончательно определился с новым направлением отечественной внешней политики. Конгресс способствовал формированию измененного баланса интересов в Центральной и Восточной Европе, который спровоцировал начало раздела европейских владений Оттоманской Порты.

Историография вопроса тесно связана с историей изучения внешней политики России 1680–1690-х гг., начала эпохи правления Петра Великого и Великого посольства. Карловицкий конгресс обычно анализировался в контексте переориентирования

внешней политики Петра I (с южного на северо-западное направление) и подведения итогов миссии 1697–1698 гг.¹ Самое объемное описание действий П. Б. Возницына можно найти у М. М. Богословского в третьем томе «Материалов к биографии» Петра I².

Основная часть исследователей, описывавших историю конгресса, утверждали, что московский посол не получил поддержки на переговорах от союзников. Священная Римская империя, основной вдохновитель антиосманской коалиции, первая начала сепаратные переговоры (в другой формулировке — прелиминарные консультации) с турками, а затем на конгрессе за счет других держав сумела добиться наилучших условий мира. Все же попытки российского дипломата организовать выдвижение консолидированных условий были провалены цесарскими послами и «нейтральными» посредниками. Историки в целом положительно оценивали деятельность П. Б. Возницына, полагая его опытным дипломатом, который использовал все имевшиеся возможности в создавшихся условиях³.

В 2001 г. И. Шварц высказала значительный скепсис относительно сложившейся оценки деятельности австрийской стороны⁴. По ее мнению, цесарский двор проявил «лояльность

¹ Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра Первого. М., 1986. С. 68–136; Бобылёв В. С. Внешняя политика России эпохи Петра I. М., 1990. С. 22–30; Павленко Н. И. Петр Великий. М., 1994. С. 59–82, 115–119; Андерсон М. С. Петр Великий: пер. с англ. Ростов-н/Д., 1997. С. 59–79; История внешней политики России. XVIII век. (от Северной войны до войн России против Наполеона). М., 1998. С. 10–33; Санин Г. А. Эволюция южного направления внешней политики Руси и России в IX–XVII вв.: Зарождение проблемы Черноморских проливов // Россия и черноморские проливы: XVIII–XX века. М.: Международные отношения, 1999. С. 19–42; и др.

² Богословский М. М. Петр I. Материалы для биографии. Т. III. М., 1946. С. 336–461.

³ См., например: Санин Г. А. Указ. соч. С. 37; Дегоев В. В. Дипломатия Петра I на заключительном этапе русско-турецкой войны 1686–1700 годов. Ч. VI // Россия XXI. 2016. № 6. С. 142.

⁴ Schwarcz I. К вопросу о судьбе Священной лиги в связи с пребыванием Великого посольства в Вене // Reflections on Russia in the Eighteenth Century. Köln, 2001. P. 126–137.

к своему партнеру» и вовремя сообщил Петру I о начавшихся переговорах, хотя интересы империи в назревавшей борьбе за Испанское наследство требовали от Леопольда I скорейшего прекращения конфликта со Стамбулом. Развернутое опровержение сложившейся в историографии концепции можно найти в трудах Д. и И. Гузевичей. В объемном исследовании, посвященном Великому посольству¹, они утверждали, что Карловицкий конгресс проходил в полном соответствии с дипломатической практикой того времени. Все переговоры велись согласно заключенным ранее соглашениям, и о каком-либо предательстве интересов союзников не может идти и речи. П. Б. Возницын же показал себя как дипломат европейского уровня, который вел «виртуозную... игру и, в конечном счете, вышел победителем»².

В зарубежной историографии, посвященной завершающему эпизоду войны Священной лиги 1684 г. и Османского государства — Карловицкому съезду, основное внимание уделялось переговорам турок с основными соперниками — австрийцами, венецианцами и поляками³. Деятельность русского дипломата, за редким исключением⁴, оставалась за пределами исследовательских интересов историков.

Основным источником по изучению истории участия России в Карловицком конгрессе является посольская книга миссии П. Б. Возницына, сохранившаяся в РГАДА⁵ и опубликованная

¹ Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д. Великое посольство: Рубеж эпох, или Начало пути: 1697–1698. СПб., 2008.

² Там же. С. 108.

³ См., напр.: *Abou-El-Haj Rifa'at A. Ottoman Diplomacy at Karlowitz*. — *Journal of the American Oriental Society*. Vol. 87. 1967. № 4. P. 498–512; *Setton K. M. Venice, Austria, and the Turks in the seventeenth century*. Philadelphia, 1991. P. 392–412; *Parvev I. Habsburgs and Ottomans between Vienna and Belgrade (1683–1739)*. Boulder, 1995. P. 128–132; etc.

⁴ *Gebei S. A karlócai béke kelet-európai összefüggései // Történelmi Szemle*, 1999. № 1–2, 1–29.

⁵ Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 32 «Сношения России с Австрийской империей». Оп. 1. Кн. 46.

в «Памятниках дипломатических сношений с державами иностранными»¹. Его дополняют послания великого посла в Москву (сопровождавшиеся копиями всех документов миссии), находящиеся в архиве и частично использованные в выдержках в исследовании М. М. Богословского².

Из зарубежных источников наиболее важными являются донесения венецианского посла К. Рудзини своему правительству, частично изданные в сборнике Е. Шмурло³, переписка турецкого уполномоченного А. Маврокордато⁴ и стенографические записи на французском языке одного из секретарей английского посла-посредника У. Паджета⁵. В историографии также встречаются упоминания о донесениях польского дипломата С. Маляховского в Варшаву⁶.

Россия и Священная лига

Карловицкий конгресс 1698–1699 гг. завершил многолетнюю войну между Османской империей и странами Священной лиги, длившуюся с 1684 г. Россия присоединилась к борьбе с турецкой

¹ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными (далее — ПДС). Т. IX. СПб., 1868. Стлб. 1–642.

² РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. 1698. Ед. хр. 65; Ф. 89. Оп. 1. 1698. Ед. хр. 1; *Богословский М. М.* Указ. соч. Т. III. С. 336–461.

³ *Шмурло Е.* Сборник документов, относящихся к истории царствования императора Петра Великого. Юрьев, 1903. Т. I: 1693–1700. Документы № 621, 623, 624, 636, 648, 655, 668, 674, 679, 683, 696, 699, 703, 711, 716, 723, 726, 728, 730. С. 491–570.

⁴ *Cernovodeanu P., Caratafu M.* Correspondance diplomatique d'Alexandre Mavrocordato l'Exaporite: 1676–1703 // *Revue des études sud-est européennes*. 1982. Vol. 20. № 1. P. 93–128, № 3. P. 327–348; 1984. Vol. 22. № 4. P. 327–358.

⁵ *Cernovodeanu P.* Le Journal des travaux du Congres de Karlowitz: 1698–1699 // *Revue des études sud-est européennes*. Vol. 19. № 2. 1981. P. 325–354.

⁶ См.: *Богословский М. М.* Указ. соч. Т. III. С. 370. Он указывает на издание «*Andreae Chrysostomi In Załuskie Załuski, Primò Kijoviensis postea Plocensis, & nunc Varmiensis Episcopi, Sacri Romani Imperii Principis, Terrarum Prussiae Praesidis Et Supremi Regni Poloniae Cancellarii Epistolarum Historico-Familiarum Tomus... 3, Gesta In Polonia Totius Decennii Ab Anno 1701. Brunsbergae, 1711*», в котором обнаружить указанные материалы не удалось.

агрессией в 1687 г. после подписания Вечного мира 1686 г. с Речью Посполитой. В связи с этим представляется целесообразным привести краткую характеристику вооруженного конфликта, результатом которого и стало первое участие России в качестве равноправного резидента в масштабном международном форуме.

Вопрос о вхождении России в состав Священной лиги имеет значительную историографию, группирующуюся вокруг двух точек зрения. Часть исследователей полагали, что заключение Вечного мира с условием проведения военных операций против Крымского ханства, вассала Османской империи, предопределило присоединение Московии к войне Священной лиги, что приравнивалось к включению в ее состав¹. Еще С. М. Соловьев писал, что с 1686 г. «...Россия вступала в общее действие с европейскими державами, с Польшей, Австрией и Венецией, явилась членом этого союза, который назывался священным»². Ему же приписываются слова, что в 1686 г. Российское царство вступило «в концерт европейских держав»³. Данной

¹ *Богословский М. М.* Указ. соч. Т. III. С. 338; *Бабушкина Г. К.* Международное значение крымских походов 1687 и 1689 гг. // Исторические записки. Т. 33. М., 1950. С. 158–172; *Илиева (Шварц) И.* Русия и Свещената Лига: 1684–1699 // 300 години Чипровско въстание: Принос към историята на Българите през XVII в. София: Изд-во на БАН, 1988. С. 277, 279, 281, 285; *Бобылёв В. С.* Внешняя политика России эпохи Петра I. М., 1990. С. 13–14; *Лещиловская И. И.* Петр I и Балканы // Вопросы истории. 2001. № 2. С. 46–47.

² *Соловьев С. М.* Публичные чтения о Петре Великом / отв. ред. В. И. Буганов. М.: Наука, 1984. С. 58.

³ Цит. по: *Крылова Т. К.* Россия и Венеция на рубеже XVII и XVIII вв. // Уч. зап. Ленинградского государственного педагогического института им. Герцена. 1939. Т. 19. С. 47. Цитата использовалась некоторыми исследователями — см., напр.: *Ястребов А. О.* Обзор русско-венецианских связей в эпоху Петра I (1695–1722 гг.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 17. 2015. № 3. С. 14. Однако обнаружить ее в трудах классика пока не удалось, так как цитирование не сопровождалось точными ссылками. Искомую фразу можно найти у другого видного историка — В. О. Ключевского (*Ключевский В. О.* Сочинения: в 9 т. Т. 3. Курс русской истории. Ч. 3. М.: Мысль, 1988. С. 332). Возможно, еще Т. К. Крылова перепутала «столпов» российской историографии. Соответ-

точки зрения придерживаются и ряд современных исследователей¹.

Некоторые авторы без тени сомнения доходили до утверждений, что Москва внесла основополагающий вклад в борьбу с «бурсурманами» в 1680–1690-х гг. — «своими успехами союзники были в значительной степени обязаны России»².

Оппоненты вышеизложенной концепции утверждали, что помощь полякам и военные операции против Крыма и Азова являются «внешними действиями» по отношению к конфликту... и лишь в 1697 г., с подписанием Венского договора К. Нефимовым, Россия стала полноправным членом Священной лиги³.

Точка зрения второй группы представляется более аргументированной, однако не такой однозначной. Дело в том, что представление о деятельности антиосманского союза исходит во многом из понимания системы международных отношений более поздней эпохи. Обязательность выполнения условий договоров,

ственно, и утверждение Д. и И. Гузевичей о том, что «первая из указанных выше ошибок (что Россия входила в Священную лигу с 1686 г. — *Прим. А. Г.*) получила распространение с конца 1940-х гг.», следует удревлить как минимум на полвека — см.: *Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д.* Великое посольство: Рубеж эпох, или Начало пути: 1697–1698. СПб., 2008. С. 19.

¹ См., напр.: *Молчанов Н. Н.* Петр I. М., 2003. С. 62, 65; *Дегоев В. В.* Внешняя политика России и международные системы: 1700–1918 гг.: учеб. пособие. М., 2004. С. 27; *Кобзарева Е. И.* Россия в Вестфальской системе. 1648–1686 гг. // От царства к империи. Россия в системах международных отношений. Вторая половина XVI — начало XX века. М.; СПб., 2015. С. 112.

² *Крылова Т. К.* Русская дипломатия на Босфоре в начале XVIII в. (1700–1709 гг.) // Исторические записки. Т. 65. М., 1959. С. 249.

³ *Крылова Т. К.* Россия и Венеция на рубеже XVII и XVIII вв. // Уч. зап. Ленинградского государственного педагогического института им. Герцена. 1939. Т. 19. С. 47; История внешней политики России: XVIII век: От Северной войны до войн России против Наполеона. М., 2000. С. 10–11; *Артамонов В. А.* Россия, Речь Посполитая и Крым 1686–1699 годов // Славянский сборник. Вып. 5. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1993. С. 4–5; *Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д.* Первое европейское путешествие царя Петра: аналитическая библиография за три столетия: 1697–2006. СПб.: Феникс: Дмитрий Буланин, 2008. С. 44–48; и др.

надежность и содержание союзнических обязательств, гарантии участникам переговоров — все это в XVII в. находилось еще в процессе становления.

Объявляя войну Османской империи и ее вассалу — Крымскому ханству, российские власти вполне осознанно предполагали присоединение к борьбе Священной лиги с турецкой опасностью. Наступательный союз с поляками намеревались сохранять до победного конца, причем, согласно пункту № 13 договора о Вечном мире, австрийцы и венецианцы, «не обособившись» с Польшей и Россией, обязывались османов «к миру не склонять»¹. В ходе дальнейших дипломатических пересылок Москва и Вена постоянно информировали друг друга о действиях против общего врага: «...объявляем... с нашей... стороны, добродетельное в воинских промыслах вспоможение вашему Цесарскому Величеству также и Королевскому Величеству Полскому...», а в грамоте от 13 января 1690 г. прямо указывается — «для того что ваше Цесарское Величество общей наш союзник»². На «обнадеживания» цесарских дипломатов, звучавшие на тех или иных переговорах, в Посольском приказе ссылались «позднее как на союзные обязательства, которые принял на себя император»³. В целом для московского правительства семантические и смысловые различия «вступления» или «присоединения» (к Лиге) не носили особого содержательного смысла в рамках борьбы с «врагом всего Христианства». Все же участники противостояния полагались союзниками — «цесарь обязуется

¹ Полное собрание законов Российской империи: собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 года. СПб., 1830 (далее — ПСЗ). Т. 2: 1676–1688. С. 779. А в следующем пункте предлагалось «в наступательной и оборонительной союз призвать» французского короля, чтобы он «к тому святому случению, по образу всех государей христианских, против бусурман приступил»; также требовалось «призывать и иных христианских монархов, которые еще в союз не вошли» (Там же. С. 779–780).

² ПДС. Т. VII. СПб., 1864. Стлб. 291, 612.

³ *Шутый В. Е.* Русские грамоты конца XVII века // Вопросы истории. 1972. № 6. С. 99.

с великим государем союзом, так как обязан с королем польским и с венецианы»¹.

Подписание договора о Вечном мире в 1686 г. наложило на Россию ряд обязательств по участию в конфликте на стороне Священной лиги. В задачи московских полков входило отвлечение сил крымского хана, вассала турецкого султана, от европейского театра боевых действий. Подписанный в Москве договор требовал обязательной ратификации властями Речи Посполитой — королем и сеймом. Для ее получения в Польшу было направлено посольство во главе с боярином Б. П. Шереметьевым и окольниковым И. И. Чаадаевым, которое затем должно было посетить Вену и Венецию. В странах Священной лиги послы должны были оповестить местные правительства о заключении русско-польского союза и обязательствах, которые он накладывал.

В ходе пребывания миссии в столице Священной Римской империи новый союзный договор, который бы де-юре присоединил Россию к антитурецкому союзу, остался в области благих пожеланий. По мнению И. Шварц (Илиевой), Габсбургов устраивал формат соглашения Москвы и Варшавы, который «ввличал Русия в Свещената лига», но не накладывал на них дополнительных обязанностей². К. А. Кочегаров, в свою очередь, полагал, что нежелание связывать себя дополнительными союзническими узами исходило от самой России, причем по той же причине — исключение лишних обязательств. Еще во время переговоров о Вечном мире с польскими послами К. Гжимултовским и М. Огинским в Москве в марте—апреле 1686 г., «...не желая непосредственно вступать в союз с Австрией и Венецией, Россия в то же время желала обеспечить свои интересы в Священной лиге посредством договора»³. Формат

¹ РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. 1698. Ед. хр. 65. Л. 7 об. — 8 об.

² Илиева (Шварц) И. Русия и Свещената лига: 1684—1699 // 300 години Чипровско въстание: Принос към историята на България през XVII в. София: Изд-во на БАН, 1988. С. 276—277.

³ Кочегаров К. А. Речь Посполитая и Россия в 1680—1686 гг. Заключение договора о Вечном мире. М.: Индрик, 2008. С. 354.

«присоединения» к лиге без институализации широкого антиосманского союза позволял обоим государствам отстаивать собственные интересы, не нарушая никаких договоров. Поэтому пребывание русского посольства в австрийской столице весной 1687 г. и контакты с цесарским двором имели в основном ритуальный характер. «Полномочий заключать с императором какого-либо союзного договора они не имели»¹. Вместе с тем, приветствуя долгожданное вступление Москвы в войну против «креста святого и всего христианства неприятелей», Вена обещала обо всех военных действиях извещать «царские величества» и «миру с теми неприятели чинить и ни в какие договоры с ними, не обослався с вами Великие государи, и без совету союзников своих вступати не будет»².

Комплексный анализ участия России в войне 1684–1699 гг. остается делом будущих исследователей. Объектом рассмотрения основной массы историков стали Крымские и Азовские походы — масштабные военные мероприятия, имевшие определенные последствия в международном плане. Походы на Крым 1687 и 1689 гг. при всем желании сложно оценить как успешные. Несмотря на размеры привлеченных ресурсов, русские войска под предводительством В. В. Голицына, совершив переход в несколько сотен километров, так и не смогли пересечь перешеек в районе Перекопа. Не удалось полностью блокировать и перемещение татарских орд. В 1688 и 1689 гг. крымская конница участвовала в операциях против польского короля и австрийского императора³.

Тем не менее на настоящий момент в историографии продолжает существовать альтернативная точка зрения относительно выполнения московским правительством условий трактата

¹ Кочегаров К. А. Указ. соч. С. 424.

² ПДС. Т. VI. СПб., 1862. Стлб. 1550.

³ Халим Гирай Султан. Розовый куст ханов, или История Крыма. Симферополь, 2004. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XV/Rozovuj_kust_chanov/19.phtml?id=12939 (дата обращения: 12.11.2018); Артамонов В. А. Россия, Речь Посполитая и Крым 1686–1699 годов. С. 12–13, 18.

1686 г. Например, А. П. Богданов считает, что отряды «царственной печати оберегателя» (В. В. Голицына) смогли полностью выполнить в 1689 г. задачу блокады Крыма: «Политическая цель похода была достигнута: хан молил о милости и обещал “покориться под державу великих государей”»¹.

В 1690–1694 гг. боевые столкновения, носившие локальный характер, ограничивались приграничными районами. Возвращение к активным действиям против Османской империи произошло спустя шесть лет. С возмужанием Петра I вновь возрождается интерес руководства страны к южным землям и борьбе с «бусурманами». Результатом двух походов становится захват крепости Азов в устье Дона и получение выхода в Азовское море. Одновременно происходит инициализация усилий государства по созданию первого военно-морского флота, предназначенного для борьбы за акваторию Черного моря.

Азовские походы 1695 и 1696 гг. значительно активизировали российскую внешнюю политику. Помощь, оказанная австрийскими артиллеристами, присланными по личному указанию цесаря, была высоко оценена Петром I. Он вновь возвращается к обязательствам на международном и военном поприщах, принятым согласно договору о Вечном мире. И. Шварц полагала, что, имея к 1696 г. лишь двусторонний договор с Польшей о вступлении в Священную лигу, Россия стала осознавать опасность потери союзников. Ситуация обострилась в связи со смертью Яна III Собеского и возможной победой ставленника Франции на выборах нового польского короля. Теперь уже инициатором заключения нового союза (первоначально только с Австрией на два-три года) выступает Москва. В Вену в конце 1695 г. под впечатлением от неудачи первого Азовского похода для предварительных переговоров выехал посланник Козьма Нефимов, одновременно в Венецию была направлена дружественная грамота².

¹ *Богданов А. П.* Московская публицистика последней четверти XVII века. М.: Институт российской истории РАН, 2001. С. 184.

² *Илиева (Швари) И.* Указ. соч. С. 280–282.

Великое посольство

Захват Азова в 1696 г. вызвали у Петра I надежду на успешное продолжение натиска на Османскую империю и Крымское ханство с целью получения выхода в Черное море. В перспективе рассматривалась и давняя мечта московских царей — ликвидация Крымского юрта, последнего обломка Золотой орды. По возвращении в Москву монарх отдает распоряжение о подготовке посольской миссии в Западную Европу, призванной укрепить и расширить антитурецкий союз. Планировалось посетить не только страны Священной лиги, заключение соглашения с которыми находилось на «финишной прямой», но и нанести визит в другие государства Европы, имевшие возможность вступить в борьбу с «бусурманами».

Причина необходимости заключения письменного трактата с Австрийским государством заключалась не столько в потребности «легитимизировать» присутствие России в Священной лиге (для Москвы этот факт уже имел место), сколько в получении письменных гарантий о продолжении совместной войны до полного разгрома турок и «общего согласия» при ведении мирных переговоров¹. Около двух десятков «разговоров», которые провел в Вене российский представитель К. Нефимонов, 29 января (8 февраля) 1697 г. завершились подписанием трехлетнего договора между Россией, Австрией и Венецией с присоединением к нему Речи Посполитой. По условиям соглашения союзники не могли идти на сепаратный мир с османами, но «слушати и о них же разговор начати возможет, однако ж де тем изображенным правом, чтоб о предложенных статьях иным союзником немедленно ведомо чинити, и купно всех тем разговором объяти и вместити...»² Последнюю фразу можно интерпретировать как обязательное приглашение к участию в переговорах всех союзников и учет их интересов («разговором... вместити»).

¹ ПДС. Т. VII. С. 1008–1113.

² ПДС. Т. VIII. СПб., 1867. Стлб. 417.

Надежды российского монарха на безусловное продолжение войны с Османской империей после подписания нового наступательного договора со странами Священной лиги осуществились лишь частично. Измученные многолетним противостоянием, стороны фактически ожидали повода для начала мирных переговоров. Рубиконом стала битва при Зенте 11 сентября 1697 г., в которой австрийский полководец Евгений Савойский нанес сокрушительное поражение войску султана. После такого разгрома мирные инициативы Порты оставались вопросом времени.

В настоящий момент сложно утверждать, насколько близка к реальности идея, что, когда «Великое посольство 9 марта выехало из Москвы, российские дипломаты ожидали встретить понимание и содействие союзников своей миссии»¹. Вызывает большие сомнения «наивность» руководителей посольства и самого монарха, будто бы веривших в «христианскую солидарность» западноевропейских государств, в прочность договоров и альтруизм правителей. Каждый лидер заботился в первую очередь об интересах собственного государства. О несоблюдении союзниками, в том числе и австрийцами², своих обязательств писали многие исследователи. Так, в 1688 г. Леопольд I, сомневаясь в поляках, предложил через собственного посла в Варшаве русскому посланнику П. Возницыну тайное соглашение против Речи Посполитой³. Одновременно оба наиболее активных участника Священной лиги (Австрия и Польша) вступили в отдельные переговоры с турками и татарами. В 1690 г. И. М. Волков, сменивший в Варшаве П. Возницына, писал, что послы «“цесаря” и польские сенаторы при переговорах с представителями султана даже не вспоминали» о российских интересах и «впредь говорити

¹ История внешней политики России: XVIII век: от Северной войны до войн России против Наполеона. М., 2000. С. 25.

² С чем категорически никак не могут согласиться некоторые специалисты — *Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д.* Великое посольство: Рубеж эпох, или Начало пути: 1697–1698. С. 17–18, 104, 105, 113 и др.

³ *Бабушкина Г. К.* Указ. соч. С. 166–168; *Ильева (Швари) И.* Указ. соч. С. 280.

не станут»¹. Не стала исключением и наша страна. В 1692 г. такую же попытку предприняла и Россия, направив в Крым гонца В. Айтемирова; причем в Речи Посполитой летом того же года торжественно принимали крымского посла².

Соответственно, призывая все страны объединиться против «турецкого полумесяца», Посольский приказ прибегал лишь к стандартной риторике, которую использовали при необходимости и европейские правители (римский папа, австрийский император, венецианские дожи, польский король). Реальными же аргументами на переговорах выступали предложения о новых территориях, торговых привилегиях, субсидиях и т. п.

В ходе поездки по Европе Петр I предпринимает ряд шагов, свидетельствующих о серьезности намерений продолжать войну с Османской империей³. Во-первых, он активно способствует победе на королевских выборах в Речи Посполитой сторонника продолжения войны с «бусурманами» и лидера антифранцузской партии, которым в последний момент стал саксонский курфюрст Фридрих Август I⁴. Во-вторых, на переговорах в Нидерландах в обмен на предложение о разрешении голландским купцам транзитной торговли с Персией выдвигается просьба о предоставлении помощи деньгами, вооружением и снаряжением для обеспечения нескольких десятков кораблей. В-третьих, в числе нанятых моряков обнаруживается значительное количество славян, гре-

¹ *Колегов С. С.* Постоянные дипломатические представительства России в Европе во второй трети XVII — начале XVIII в.: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2011. С. 141.

² *Артамонов В. А.* Страны Восточной Европы в войне с Османской империей (1683–1699 гг.) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII веке. Т. 2. М., 2001. С. 311–312.

³ Вопреки достаточно ангажированному мнению В. Е. Возгриня, полагавшего, что уже с начала поездки царь занимался организацией антишведского союза: *Возгрин В. Е.* Россия и европейские страны в годы Северной войны. История дипломатических отношений в 1697–1710 гг. Л., 1986. С. 66–69.

⁴ Причем Д. и И. Гузевичи полагают, что Петр I до самих выборов, состоявшихся 23 июня (3 июля) 1697 г., даже не знал, что саксонский курфюрст стал основным противником французского кандидата.

ков и итальянцев, умевших плавать по южным морям. На предназначение завербованных «капитанов, комендоров, поручиков, шиперов, штурманов... и матрозов» прямо указывает статейный список посольства — «великие и полномочные послы в Амстрадаме... в его великого государя службу... приговорили и наняли на черноморской воинской флот... с тысячу человек»¹. Кроме того, в октябре 1697 г. в «шклявонскую землю» для розыска офицеров и матросов, говорящих на славянских языках, был направлен капитан Григорий Островский². Одновременно активно проводилась пропаганда борьбы «против общих неприятелей Креста Святого».

В декабре 1697 — феврале 1698 г. единство Священной лиги пошатнулось. Турки при тайном посредничестве Англии и Голландии начинают предварительные консультации о мире с австрийцами. Информация о контактах представителей цесаря и султана потрясла Петра I (от трехлетнего наступательного договора прошла только треть срока)³. Не меньшее его удивление было связано с известием о «медиаторстве» морских держав, на территории которых как раз и находилось Великое посольство. Попытка реанимировать распадающуюся коалицию требовала присутствия российских дипломатов в Вене.

¹ ПДС. Т. VIII. Стлб. 1180–1181.

² *Богословский М. М.* Указ. соч. Т. II. М., 1941. С. 217–219. Его целью являлся поиск сведений о национальном и численном составе местного населения, о наличии среди него моряков в разных чинах, о возможности их найма. Отдельной проблемой стояло выяснение доступности понимания «славянского языка» русскими людьми. Далее предписывалось ехать в Венецию, где производить аналогичный поиск. Сохранившийся статейный список свидетельствует об особом интересе Г. Островского к морякам, знавшим Черное море (РГАДА. Ф. 150 «Дела о выездах иностранцев в Россию». Оп. 1. Д. 71 (1697 г.)).

³ Ошибочно понятая дата события — февраль 1697 г. вместо февраля 1698 г. — стала кочевать из работы в работу. См., напр: *Санин Г. А.* Россия и формирование Утрехтско-Ништадтской системы в первой четверти XVIII в. // От царства к империи. Россия в системах международных отношений. Вторая половина XVI — начало XX века. М.; СПб.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2015. С. 119.

Причина изменения политики правительства Леопольда I, еще несколько лет назад активно вовлекавшего Россию в борьбу с турками, заключалась в появлении нового политического расклада на континенте. Предстоящая борьба за испанскую корону (так называемая война за Испанское наследство) давала шанс Габсбургам остановить Францию, претендовавшую на гегемонию в Европе. Одновременно недовольство амбициями Людовика XIV высказывали Англия и Соединенные провинции. Для осуществления своих планов Вене незамедлительно требовалось прекращение войны с Блистательной Портой, которая после разгрома при Зенте в сентябре 1697 г. должна была окончательно смириться с потерей Венгрии и Трансильвании. А если османы продолжали бы воевать с Московией, то опасность с их стороны можно было полностью исключить. В свете сказанного становятся понятными и политика габсбургской дипломатии, стремившейся к скорейшему миру со Стамбулом, и действия Лондона и Гааги, выступивших посредниками в переговорах.

В столице Священной Римской империи русский царь пытался собрать в своих руках все части дипломатического «пазла». Ему удалось добиться согласия на неофициальную беседу с австрийским императором. Однако короткая встреча во дворце «Фаворита» не привела к конструктивным соглашениям, лишь поверхностно затронув вопросы войны и мира¹.

Начало официальных переговоров постоянно откладывалось, что хозяева оправдывали нюансами церемониального протокола. Одновременно австрийцы продолжали «предварительные консультации» с турецкой стороной об условиях предстоящего конгресса. Утомившись пустым ожиданием, 21 июня (1 июля) Петр I направляет главе цесарского правительства канцлеру Ф. У. Кинскому жесткий запрос: 1) собирается ли австрийский император воевать дальше или планирует заключить мир? 2) какие условия возможного мира с турками он предлагает? 3) какие условия вы-

¹ *Schwarz I. К вопросу о судьбе Священной лиги в связи с пребыванием Великого посольства в Вене // Reflections on Russia in the Eighteenth Century. Köln, 2001. P. 133.*

двигает сам турецкий султан, ищущий мира при посредничестве английского монарха?¹ На совещании австрийских политиков и венецианского посла, организованном графом Ф. У. Кинским, предлагается донести до русского царя информацию о предложениях османов и об ответе им задним числом. Фактически разработка предварительных условий конгресса полностью оказывалась в руках Вены.

Ответ на поставленные вопросы, последовавший через три дня, представлял собой образец дипломатической эквилибристики. Оказывается, цесарь «по се число миру не искал» (участие в мирных «консультациях», видимо, не считается) и не имел «к тому исканию... никакие причины». В основу «предложенного миру» будет положено старое «обыкновение», использовавшееся как предками цесаря, так и султанами, — «како владеете» («*uti possidetes*»), т. е. обладание всеми захваченными на момент соглашения территориями. Австрийцы полагали, что и остальные союзники примут данное условие без возражений. При посредничестве английского короля, которое было согласовано еще до вхождения России в Священную лигу, удалось получить предложения османского правителя, которые еще в апреле 1698 г. разослали по союзникам. Если же московский царь никакой информации не получал, то они готовы предоставить всю дипломатическую переписку в настоящее время². В дальнейшем от цесарских сановников удалось добиться обещания поддержки требования России получить Керченскую крепость.

В сложившихся условиях Петр I налаживает взаимодействие с королем Речи Посполитой, фактически последним союзником в борьбе с Турцией и Крымом. На личные переговоры прибыва-

¹ Богословский М. М. Указ. соч. Т. II. С. 477.

² ПДС. Т. VIII. Стлб. 1338–1340. В одном из новейших исследований ответы 24 июня (4 июля) 1698 г. на первый запрос Петра ошибочно заменяются ответами 30 июня (10 июля), последовавшими на более поздние вопросы. Видимо, автора ввело в заблуждение количество вопросов и ответов (по три), которое во всех случаях совпадало. См.: *Schwarz I.* К вопросу о судьбе Священной лиги в связи с пребыванием Великого посольства в Вене. С. 134.

ет генерал-майор Иоганн Карлович, собственный представитель Августа II. В беседах с агентом короля удалось выработать единый подход к ситуации и договориться о координации действий на будущей конференции.

Подготовка конгресса

Для участия в готовящемся форуме Петр I решил оставить одного из руководителей Великого посольства — третьего посла думного дьяка Прокофья Богдановича Возницына, носившего церемониальный титул наместника Болховского. Для «пушей важности» и одновременно для повышения статуса ему присваивают ранее не существовавший чин — «думный советник». Возницын отлично знал предстоящий «фронт работ» и был хорошо известен дипломатическому корпусу как союзных государств, так и их оппонентов. В качестве гонца еще в 1668 г. он посетил Вену и Венецию¹, в 1671–1676 гг. несколько раз ездил в Польшу, а в 1688–1689 гг. находился там же в качестве постоянного представителя² (одной из задач резидента являлось обеспечение обмена данными в рамках подготовки ко второму крымскому походу), где имел контакты как с местными вельможами, так и с австрийскими, римскими и венецианскими дипломатами. Дьяк выполнял поручения Посольского приказа в Стамбуле (Константинополе) в 1681–1682 гг., где помимо подтверждения Бахчисарайского мирного договора сумел наладить контакты с иерусалимским патриархом Досифеем³. В 1684 г. П. Б. Возницын вел в Азове переговоры с османами об обмене пленными, участвовал в Москве во встречах с австрийскими послами С. Блюмбергом и И. Жировским, в 1686 г. — в подготовке подписания Вечного мира (с польской делегацией К. Гжи-

¹ *Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор внешних сношений России. М., 1894. Ч. 1. С. 23; 1896. Ч. 2. С. 208.

² Там же. Ч. 3. С. 159–160.

³ *Кочегаров К. А.* Указ. соч. Заключение договора о Вечном мире. М.: Индрик, 2008. С. 76–77.

мултовского и М. Огинского)¹. Таким образом, русский посол не просто хорошо разбирался в дипломатической ситуации вокруг войны с Османской Портой, но и лично знал многих организаторов и участников переговоров.

Накануне отъезда из Вены Петр I проинструктировал П. Б. Возницына относительно стоящих перед ним задач. Статейный список третьего посла не содержит классический посольский наказ. Однако предписания монарха, высказанные в устной форме, в общих чертах можно восстановить по грамотам и последующей переписке. Представитель России должен был вести переговоры «купно с ...Цесарского Величества и иных союзных наших с послы, с теми турецкими послы на съезде», а при благоприятном стечении обстоятельств «на пристойных статьях, по нашему Царского Величества указу, естли до того дойдет, договор учинил и утвердил...». Он получил полномочия на подписание и утверждение «пристойного и нам потребнаго и о всех наших пользах и прибытках мира»². По словам Возницына, вступать в переговоры с турками можно было лишь после выработки совместных условий союзников — «о тех турецких мирных делах иметь согласие и сношение»³.

Думный советник получил и тайные указания о необходимости саботировать конгресс, дополнявшиеся затем «указами»-письмами. И хотя послания Петра I к великому послу за первые месяцы пока не обнаружены, однако в дипломатической почте можно найти следы как минимум двух из них — от 31 августа (10 сентября), от 30 сентября (10 октября). Об их содержании Возницын прямо не пишет, однако постоянно упоминает: «...и из него о настоящем деле о всем выразумел, о чем всячески раде, сколько Бог поможет, будет», «...что, государь, заклинание мне написано, и я со страхом прошу всемилостивого Бога и всячески усердствую, сколько силы моей и умишка есть, чтоб ваше, государево, дело было таково, каково ваше, государское, желание и указ

¹ Кочегаров К. А. Там же. С. 187, 277, 352, 361.

² ПДС. Т. IX. Стлб. 3–4.

³ Там же. Стлб. 56.

есть, и ни о чем о ином помышления моего нет, токмо непрестанно о том», «он, по его, великого государя, указу и намерению, сколько может, толко и радеть будет»¹. Указание на подлинную задачу дипломата удалось извлечь из его письма к Ф. А. Головину, входившего в состав почты, отправленной («с поля из намету (из шатра. — А. Г.)» 22 октября: «Изволишь увидишь все поведение: трудно кому мешать или до миру не допускать, не дадут и духу понюхать, не токмо, что говорить или послать, ни явно, ни тайно — карауль их»²).

Срочность отъезда в связи с известием о новом восстании стрельцов не позволила царю оставить подробную программу действий. С другой стороны, неопределенность ситуации с предстоящим переговорным процессом и изменившаяся международная обстановка вызвали неуверенность в планах самого Петра I. Он и хотел продолжения войны (свидетельство — большие финансовые затраты на подготовку к войне на южном направлении), и понимал твердость намерений союзников, посредников и самой Порты в скорейшем ее прекращении. Вероятно, отсутствие четких и подробных указаний П. Б. Возницыну стало следствием неопределенности целей самого самодержца.

В состав новой миссии вошло фактически все «рабочее ядро» Великого посольства — несколько дворян, пять подьячих, два переводчика. Вспомогательный персонал включал сторожа, конюшого, собольщика, пажей, трубачей, гайдуков, священника. Общий состав делегации насчитывал 60–70 человек³. Специально из Венеции Возницыным был вызван выпускник Падуанского университета доктор П. В. Посников, который знал несколько языков и, видимо, был лично знаком с турецким послом греком А. Маврокордато. В ходе переговоров он будет выступать и как переводчик, и как доверенное лицо для тайных поручений, и как личный помощник русского посла.

¹ Стлб. 163, 187, 275; *Богословский М. М.* Указ. соч. Т. III. С. 384.

² РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1698 г. Ед. хр. 1. Л. 20.

³ *Богословский М. М.* Указ. соч. Т. III. С. 347.

Финансовое обеспечение московского представителя на Карловицком конгрессе представляло собой внушительную сумму. В ее основе лежали 10 тысяч золотых, оставшихся от большого Великого посольства, дополнявшиеся еженедельным обеспечением австрийской стороны в размере 1000 гульденов (500 ефимков = 250 рублей)¹. Кроме того, 17(27) июля 1698 г. в Вену прибыл дворянин В. Борзой со специальной казной², часть которой после вручения посольских даров на аудиенции у цесаря 18(28) июля и подарков различным официальным лицам вошла в состав материального обеспечения деятельности П. Б. Возницына.

Прокофий Богданович первым получил статус полномочного представителя страны, официального участника международного конгресса, что позволило ему предпринять ряд прелиминарных действий. Во-первых, он добился официального представления австрийскому императору как аккредитованный посол. Во-вторых, провел предварительный зондаж позиций всех стран, которым предстояло участвовать в конгрессе. В-третьих, он попытался разведать результаты предварительных консультаций австрийцев с турками при посредничестве английской стороны.

Согласно опубликованным письмам А. Маврокордато³ и реконструкции Гузевичей⁴ еще в декабре 1697 г. между великим драгоманом (переводчиком) и английским послом в Порте лордом У. Паджетом начинаются активные переговоры о заключении мира. Англичанин настойчиво предлагает свое посредничество в урегулировании конфликта между Габсбургской империей и Османским государством, что отвечает возникшему у турок желанию прекратить военные действия. Стараясь соблюсти буквы Венского соглашения 29 января (8 февраля) 1697 г., двор Лео-

¹ Франц Лефорт: сборник документов и материалов. М.: Древлехранилище, 2006. С. 483; ПДС. Т. IX. Стлб. 67.

² РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 31 (1698 г.). Л. 4, 10.

³ *Cernovodeanu P., Caratafu M. Correspondance diplomatique d'Alexandre Mavrocordato l'Exaporite: 1676–1703 // Revue des études sud-est européennes. 1982. Vol. 20. № 3. P. 327–348.*

⁴ *Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д. Великое посольство: Рубеж эпох, или Начало пути: 1697–1698. С. 387–388.*

польда I информирует своих союзников, включая московского царя, о начале переговоров и намерении созвать общий мирный конгресс, однако тщательно скрывает какие-либо подробности контактов и условия выдвигаемых друг другу требований. Летом 1698 г. в Вене и позднее осенью—зимой на посольском съезде в Карловицах такая политика чуть было не привела к разрыву отношений между союзниками.

В начавшихся в конце июня встречах с австрийскими должностными лицами московский посол, наверное, даже в большей степени отстаивал общие интересы участников Священной лиги, чем ее основатели. Думный советник в июле—сентябре в Вене провел около полутора десятков встреч, носивших как официальный, так и приватный характер: 30 июля (9 августа) — официальная конференция с австрийскими сановниками: богемским канцлером графом Ф. У. Кинским, имперским вице-канцлером графом Д. А. Кауницем, президентом гофкригсрата (придворного военного совета) графом Э. Р. Штарембергом и австрийским канцлером графом Ю. Ф. Буцеллини (Bucellini); 2(12) августа — с «цесарским наивысшим дворецким» (обергофмейстером) князем Ф. Й. Дитрихштейном, 3(13) и 12(22) августа — с приставом при «москoviтах» графом Кениксакером, 9(19), 21(31) августа и 8(18) сентября — с графом Ф. У. Кинским, 10(20) августа — с графом Д. А. Кауницем, 20(30) августа — официальный прием у цесаря во дворце «Фаворита» в присутствии высших должностных лиц империи как представителя московского государя на предстоящей «турской комиссии», 22 августа (1 сентября) — встреча с «цесарским маршалком» (обергофмаршалом) графом Г. Ф. Мансфельдом, 29 августа (8 сентября) и 30 августа (9 сентября) — с графом Э. Р. Штарембергом, 5(15) и 19(29) сентября — с графом В. Эттингеном. Кроме того, через переводчиков, секретарей и доверенных лиц производился обмен письмами, устными сообщениями и запросами по дипломатическим вопросам.

Главным камнем преткновения на встречах стало различное понимание принципа «совместного» мирного конгресса. Австрийцы полагали, что каждый союзник должен был вести индивидуальные переговоры с османскими послами без каких-ли-

бо общих условий и запросов. В качестве примера приводились Нимвегенские соглашения. П. Б. Возницын же полагал, что после общей войны должен быть оформлен и общий мир — «...как все обще того неприятеля воевали, так обще и в договорах поступать, и одному за друга стоять». Выдвижение консолидированных пунктов позволило бы добиться от турок лучших условий и компенсаций за потери в войне. В качестве принципиального аргумента посол ссылался на волю своего государя: «...Царское Величество желает, и ему великому и полномочному послу приказал о тех турецких мирных делах иметь согласие и сношение...»¹ С некоторой долей сарказма он критиковал отказ от долгих предварительных переговоров в связи с нахождением турецких послов на границе близь Белграда: «...а турецкие де послы хотя б были и на границе и им ожидать съезду не трудно, потому что они хотят сыскать себе прибыльной мир; а надобно радеть, чтоб с ними учинен был мир, которой бы был со удовольствием всем союзным государем»². Возможно, его слова не выходили за пределы официальной риторики, однако австрийцы прилагали все силы для активизации мирного конгресса на своих условиях.

К имперским официальным лицам (Ф. У. Кинскому, Д. А. Кауницу и пр.) постоянно составлялись запросы с просьбами (а иногда и требованиями) раскрыть сведения о введущихся между цесарцами, посредниками и турками переговорах, о содержании «пунктов», выдвигаемых к противной стороне, об условиях предполагаемого мира³. Однако все предложения «московита» были благополучно проигнорированы, а об «основаниях» будущего конгресса он извещался постфактум.

Параллельно представитель Петра I провел беседы с польским «аблегатом» в Вене ксендзом Гамалинским — 29 июля (8 августа), 31 июля (10 августа), 11(21) августа, 22 августа (1 сентября), секретарем английского посла У. Паджета Штарлатом — 31 июля (10 августа), с венецианским послом при австрийском дворе

¹ ПДС. Т. IX. Стлб. 49, 52–53, 56.

² Там же. Стлб. 57.

³ Там же. Стлб. 63, 66, 77, 85 и др.

К. Рудзини, назначенным представителем на союзный конгресс, — 15(25) августа, 23 августа (2 сентября), 11(21) сентября, вновь с секретарем английского посла — 22 августа (1 сентября), с голландским послом в Вене Я. Гаппом — 12(22) сентября.

Постепенно становится понятной предварительная раскладка сроков, условий и состава конгресса. 7(17) августа 1698 г. в послании графа Ф. У. Кинского впервые упоминается вероятная дата начала посольского съезда — 5(15) сентября. Позже она была перенесена, 23 августа (2 сентября) через переводчика П. Вульфа русский посол узнал от Ф. У. Кинского имена австрийских представителей на съезде — граф В. Эттинген и граф Л. И. Шлик. 31 августа (10 сентября) через подьячего М. Родостамова ксендз Гамалинский сообщил имя польского делегата — воевода познаньский Станислав Малаховский. Во время встречи с графом В. Эттингеном 5(15) сентября 1698 г. Возницыну показали предварительный чертеж лагеря посольского конгресса и уведомили, что «ему... послу сидеть не ниже полскаго».

До места конгресса все делегаты должны были добираться водным путем — по Дунаю. Для перевозки дипломатической миссии московский посол получил несколько барж и баркасов, внутреннее оснащение которых он был вынужден обеспечивать за собственный счет.

20(30) сентября 1698 г. П. Б. Возницын выехал из Вены¹. По дороге ему удалось провести встречу с дипломатом, представлявшим Речь Посполитую. 24–25 сентября (4–5 октября) в Буде он обменялся визитами с паном С. Малаховским, получив от него письмо Петра I из Томашева от 4(14) августа 1698 г. «Разговоры пространные о настоящих делех», которые вели послы, статейный список, к сожалению, не раскрывает. Итогом контакта стал вывод Прокофья Богдановича об отсутствии возможности будущего «согласия» с приехавшим поляком, который был настроен «о себе всякими способы радение творить». А при условии уступки турками города Каменца, полагал он, делегат Августа II и все был склонен подписать мир, не дожидаясь союзников².

¹ ПДС. Т. IX. Стлб. 133.

² Там же. Стлб. 135–137.

В Буде Возницын вновь поднимает вопрос о пренебрежении интересами союзников со стороны австрийцев. Однако его требования об организации согласованных требований к Османской империи вновь игнорируются. В письме из будущей столицы Венгрии к государю думный советник приходит к пессимистическому выводу: «...и Цесарцы с Турки, чрез посредников своих, без совету союзных, всякое сношение чинят, и ту комиссию не просто проволакивают: мнится, уже все свои дела, поставя на мере, ко окончанию и к подписанию приедут, тогда и нас приведут, и тогда в кратком времени со всех стран понуждаемы будем. Бог ведает, что против той неправды делать!»¹ Из дальнейших действий великого посла становятся понятны его намерения: затягивание всеми силами проведения конгресса и собственные сепаратные контакты с османами.

Таким образом, проведение «индивидуальных» переговоров австрийцев с турками при активнейшем участии посредников (и при фактически полном игнорировании союзников) открыло своеобразный «ящик Пандоры». Как писал В. В. Дегоев: «Поданный Веной пример в корне подорвал остатки коалиционного единства и снял всякие нравственные ограничения в использовании принципа “каждый за себя”. Между русскими, венецианцами и поляками началось жесткое состязание за право сепаратно договариваться с османами сразу вслед за австрийцами, когда те уладят свои проблемы»².

Планы сторон, делегаты, выбор места конгресса

Первоначально конгресс планировали открыть 5(15) сентября 1698 г. в городке Петроварадин (Петервардейн, ныне в составе г. Нови-Сад). Однако из-за различных обстоятельств он начался месяцем позже. Лишь к 5–6(15–16) октября посольства всех

¹ Там же. Стлб. 137.

² Дегоев В. В. Дипломатия Петра I на заключительном этапе русско-турецкой войны 1686–1700 годов. Часть I: Томительный пролог к Карловицкому конгрессу / В. В. Дегоев // Россия XXI. 2016. № 1. С. 77.

четырёх союзников прибыли в Петроварадин, причем австрийцы и венецианцы расположились в полутора милях от городка в местечке Футак. 7(17) октября торжественно было объявлено о перемирии между союзниками и Турцией на время конгресса, касавшемся прилежащей территории. Днем раньше послы известили о порядке расположения делегаций. Однако из-за сложностей с обеспечением нормальных условий для процесса переговоров и конфликта вокруг размещения посольских станом место проведения самих конференций было перенесено на поле вблизи Карловиц (около них первоначально располагался лишь лагерь союзников).

Принцип «*uti possidetis*» («чем владеете»), который лег в основу переговорного процесса, устраивал не всех участников Священной лиги. Австрию и Венецию, захвативших значительные территории турецких владений, он удовлетворял полностью. Вена сумела подчинить себе бóльшую часть земель венгров с Будой, Хорватию и Славонию. Претендовали цесарцы и на ряд зависимых от Стамбула княжеств — Трансильванию и Валахию. Возглавляли австрийскую делегацию граф Вольфганг Эттинген и генерал граф Леопольд фон Шлик.

Республика Святого Марка, в свою очередь, несмотря на ряд неудач вблизи греческого побережья, удерживала Далмацию, Ионические острова и Морею (Пелопоннес). Представителем торговой республики являлся ее посол в Вене Карло Рудзини (Рущини), позже добившийся поста дожа.

Варшава, несмотря на все усилия покойного короля Яна Собеского, так и не смогла вернуть себе Каменец — ключевой опорный узел в Подолии. Осталось несбывшейся мечтой и распространение влияния на молдавские территории. Без получения данных земель Речь Посполитая и ее новый король Август II не планировали завершать противостояние. Вопреки обещаниям Августа прислать на съезд саксонских дипломатов интересы Польши представлял познаньский воевода пан С. Малаховский.

Посредников, англичан и голландцев, устраивал долгосрочный мир Османской империи с Габсбургской монархией, которая предполагалась будущим союзником по противостоянию

с Францией в войне «за испанское наследство». Прекращение состояние войны с остальными членами Священной лиги требовалось лишь в рамках союзнических обязательств венского двора. Одновременно в планах Лондона и Гааги оставалось сохранение максимально доброжелательных отношений со Стамбулом, с которым их связывали торговые контакты. Главный инициатор всех переговоров лорд Уильям Паджет представлял британскую корону, со стороны же Соединенных провинций выступал Иаков Колерс (Колерс).

В наиболее трудной ситуации оказалась турецкая делегация. Османская Порта, потерпевшая военное поражение в противостоянии со странами Лиги и потерявшая значительные территории (правда, когда-то ею самой захваченные), стремилась максимально облегчить условия мирного соглашения, играя на противоречиях своих оппонентов. Османские послы должны были добиться возврата хотя бы части земель, при этом не поддаваться на угрозы возобновления боевых действий, вести которые их страна уже была не в состоянии. Во главе миссии, представлявшей султана, стояли реис-эфенди (Рейс Эфенди) Рами Мехмед (Магомет) и великий драгоман (переводчик) грек Александр Маврокордато, окончивший в 1660-х гг. Падуанский и Болонский университеты.

Российскую сторону прекращение войны в сложившейся ситуации устраивало в наименьшей степени. Петра I, хотя и захватившего Азов, по-прежнему манили просторы Черного моря, для выхода в которое требовалось завладеть Керченской крепостью. После поездки в Европу и получения, можно сказать, из первых рук информации о международной обстановке царь, возможно, осознавал иллюзорность дальнейшего ведения боевых действий с Портой. Однако затраченные средства и инициированные долгосрочные проекты не позволяли в одночасье отказаться от планов на юге. Во время Великого посольства десятки тысяч рублей были использованы на покупку снаряжения, наем специалистов и организацию сбора информации; в Воронеже в 1697 г. заложены десятки верфей, корабли с которых к лету 1699 г. должны были оказаться на воде; в окрестностях Азова строились допол-

нительные укрепления, а в сентябре 1698 г. началось возведение крепости для защиты Таганрогской гавани. Поэтому слова П. Б. Возницына об огромных финансовых вложениях в войну («многие миллионы выданы»¹), которые расцениваются как риторический прием, можно с полным правом считать веским аргументом на переговорах.

Перед московским послом стояла задача максимально затянуть подписание мирного договора, а при благоприятном стечении обстоятельств и вовсе сорвать конгресс и продолжить войну (ни в коем случае при этом не быть уличенным в саботаже). Устраивало его и принятие османской делегацией выгодных для России условий — сохранение всех завоеваний, получение Керчи, прекращение набегов крымского хана и выплаты «поминок» в его пользу.

Одним из самых запутанных вопросов является поведение польского посла С. Малаховского, который своими действиями в первые дни несколько раз ставил конгресс на грань срыва. Возникшая на встрече 10(20) октября 1698 г. дискуссия между ним и доктором П. В. Посниковым, касавшаяся «достоинства польского короля и московского государя»², привела к длительному конфликту из-за местоположения станов посольских делегаций: сначала с московским великим послом, затем с венецианским представителем. Судя по всему, познаньский воевода отличался значительной импульсивностью, что было подмечено Возницыным во время встречи в Буде.

Через несколько дней — 13(23) октября 1698 г. — московский посол обратился к австрийским представителям с требованием предоставить ему место по правую сторону от австрийского стана как второе по почетности, апеллируя к чертежу, увиденному им в Вене у графа В. Эттингена. Поляков он предлагал разместить вслед за ним, полагая достоинство своего царя более высоким, чем у польского самодержца, что де-факто, как утверждал думный советник, было признано польскими дипломатами как в Вене (ксендзом Гама-

¹ ПДС. Т. IX. Стлб. 47.

² *Богословский М. М.* Указ. соч. Т. III. С. 368.

линским), так и в Буде (паном Малаховским), первыми нанесшими ему официальные визиты¹. Как писал М. М. Богословский, «образ мыслей, высказанный Возницыным австрийцам по вопросу о порядке мест, не мог остаться тайной для польского посла»², т. е. последний специально провоцировался на конфликт. Масла в огонь добавлял и отказ уже здесь, в Петроварадине, наносить первый визит польскому дипломату как прибывшему позже (под довольно надуманными предложениями), и отрицание самого факта конфликта, что, видимо, еще больше раздражало С. Малаховского. Очевидно, и дискуссия с П. В. Посниковым могла начаться не случайно, что косвенно подтверждается донесением познаньского воеводы в Варшаву, где инициатива «дискурса» о достоинстве правителей возлагается на его оппонента³.

13(23) октября при переезде в Карловицы на поле, где первоначально предполагалось размещение союзников, возник новый конфликт. По словам К. Рудзини, первым прибыл на место русский посол, который и занял почетное место справа от цесарского стана, столь ему желанное. Сам же «венет» полагал, что занимать места под лагеря следовало одновременно всем. Малаховский, прибывший на место позже и увидевший умаление его чести, которого он ранее и опасался, попытался силой сдвинуть московитов, но потерпел в этом неудачу. В знак протеста он вернулся на барки (будары), на которых приехал из Петроварадина, и заявил, что отказывается принимать участие в конгрессе, «не получив волю своего короля по поводу скандальной и оскорбительной чрезвычайной ситуации»⁴. Несмотря на все попытки австрийцев уладить ссору, наличие которой Возницын упорно отрицал («а у людей де его ни с кем никакой ссоры не было»⁵), выход был найден лишь в перемещении на новое место выше по течению, где удалось

¹ ПДС. Т. IX. Стлб. 159–160.

² *Богословский М. М.* Указ. соч. Т. III. С. 368.

³ См.: ПДС. Т. IX. Стлб. 162; *Богословский М. М.* Указ. соч. Т. III. С. 369–370.

⁴ *Шмурло Е.* Указ. соч. Т. I. С. 542–543.

⁵ ПДС. Т. IX. Стлб. 162.

найти более обширное пространство для лагерей. На освобожденное же поле перебрались посредники, установившие здесь здание (дворец) для проведения конференций.

На новом месте выведенный из себя польский посол вступил в конфликт из-за мест уже с делегацией Республики Святого Марка. По предложению австрийцев, неоднократно подчеркивавших, что «в размещении нет и не может быть никакого преимущества», станы союзников располагались по сторонам квадрата. На линии, ближней к Петроварадину, разместились австрийцы, напротив — венецианцы, вдоль реки должны были встать поляки, с противоположной стороны — русские. После предварительного согласования все делегации 15(25) октября переместились на оговоренные позиции. Однако С. Малаховский, увидевший новое ущемление своей чести (он оказался по левую руку от цесарцев), приказал поставить свою палатку в центре поля тылом к венецианцам — «польский посол чинит общему согласию противность, и венецианскому послу учинил знатное бесчестие...». Возникшую склоку удалось погасить лишь через неделю к 21(31) октября, когда поляк переместился на условленное место¹. Таким образом, интрига П. Б. Возницына, если она, конечно, имела место, вполне удалась. Причем союзники во всем винили противоположную сторону. Как писал Рудзини, «потому ли, что характер польского посла от природы беспокойный, или потому, что под видом беспокойства он, повинувшись секретным инструкциям своего двора, ищет то того, то другого предлога, чтобы поставить препятствие конгрессу и вызвать его замедление...»² Сам московский посол категорически отрицал какую-либо ссору с поляком как в разговорах с союзниками и посредниками, так и в посланиях в Москву: «...свидетель всевидещее Божие око, и все твои государевы люди, и цесарские и венецийской посол, что я перед ним ни словом ни делом не повинен»³.

¹ ПДС. Т. IX. Стлб. 175; *Богословский М. М.* Указ. соч. Т. III. С. 372–375.

² Цит. по: Там же. С. 373. Оригинал на итальянском языке: *Шмурло Е.* Указ. соч. Т. I: 1693–1700. С. 546–547.

³ ПДС. Т. IX. Стлб. 197.

Предварительные переговоры

Согласно предварительным договоренностям, принятым при участии посредников, конгресс проводился в формате отдельных двусторонних переговоров послов Османской империи с каждым из союзников по Священной лиге — Священной Римской империей, Венецией, Речью Посполитой и Россией. Представители римского папы, первые годы активно финансировавшего военные действия лиги, в Карловицы не приезжали. Очередность встреч определялась временем вступления держав в антиосманскую коалицию, и поэтому представитель московского царя оказался последним в очереди. Официальный распорядок конгресса устанавливался специальными статьями, подготовленными британским и нидерландским послами 25 октября (4 ноября) 1698 г. Он предусматривал непосредственное участие во всех переговорах посредников, через которых оппоненты передавали друг другу предложения и требования, получали ответы, обсуждали тексты соглашений. Прямые встречи исключались.

П. Б. Возницын, несмотря на оказанное давление, отказался признать официальный характер посредников, хотя и не выступал категорически против их присутствия в помещении для русско-турецких съездов. Принцип «*uti possidetis*», хотя и принятый без согласования с ним, обещал «не злобится». Не согласился великий посол подписывать и статьи «медиаторов», объясняя, что «он... не приехал с посредники и ни с кем никаких договоров ставить, толко с турки...», но «что написано в них, и то он... слышит и помнит»¹. Позже во время переговоров выяснится, что принцип «чем владеете», оговоренный в «листе графа Кинского» (посланном еще из Вены от имени всех союзников, причем без согласования с Россией и Польшей), будет включать некоторые «окружности», «приращения» и «притяжения», расширяющие до бесконечности его толкование. Самих турок он устраивал со всех сторон. Как сказал Маврокордато на второй русско-турецкой конференции 12(22) ноября, «справедливость этого осно-

¹ Там же. Стлб. 174, 209–213.

вания, что когда один хочет, чтобы сохранить все, второй чтобы вернуть все, мы должны найти способ, чтобы каждый снял напряжение», т. е. был удовлетворен¹.

Скорее всего, такое упорство русского дипломата основывалось на указаниях Петра I, крайне обиженного на англичан и голландцев за сокрытие зимой—весной 1698 г. от него информации о своем посредничестве в переговорах с османами. В одном из писем думный советник прямо указывает: «...и говорили многими разговоры, чтоб я признал их за посредников... и я отговаривался им по указу»².

Почти при каждой встрече с союзниками Возницын старался дезавуировать правомочность посредников на переговорах, утверждая, что обычно «на комиссиях всяк о себе сам говорит» без каких-либо промежуточных звеньев. Однако австрийцы продолжали настаивать на участии «медиаторов», ссылаясь на волю... турецкой миссии. Со стороны кажется немного странным, что условия выдвигает на победившая сторона, а проигравшая.

В итоге великий посол приходит к выводу, что «турки... во всем на посредников положились, и надежду на них имеют, и через них свое дело делают...». Положение же для его миссии, как пишет он далее в послании к Петру I от 22 октября (1 ноября), «...зело трудно, потому что во всем неволя — перво чрез царцов, а потом чрез посредников, и за таким поведением как что выторгуешь, нечто сила Божия иным каким поведением поспешит...» Продолжавшийся конфликт не оставлял шансов на солидаризацию с польским посольством, на которое прежде возлагались некоторые надежды. Расспросы членов свиты польского представителя показали, что он готов при определенном стечении обстоятельств бросить всех и заключить сепаратный мир с Портой: «Говорят явно, что велено ему всякими мерами домогаться о Каменце и о Подолии, и естли то получит, мирится, ни на что не смотря»³.

¹ *Cernovodeanu P.* Le Journal des travaux du Congres de Karlowitz: 1698—1699 // *Revue des études sud-est européennes*. 1981. Vol. 19. № 2. P. 328.

² ПДС. Т. IX. Стлб. 194.

³ Там же. Стлб. 196—197, 201.

Поведение австрийцев и посредников, информировавших союзников лишь в самых общих вопросах (возможно, исключая Венецию), вынудили русского посла, как уже говорилось выше, искать контакты с турецкой делегацией за рамками официальной дипломатической церемонии. Личное знакомство П. Б. Возницына со вторым османским послом А. Маврокордато («другой посол... знаем мне гораздо, как я был в Цареграде»¹) позволило организовать тайный контакт с греком. 10(20) октября 1698 г. из Петроварадина думный советник посылает доверенное лицо (чернец Григорий от сербского патриарха) с первым конфиденциальным посланием к великому драгоману в Белград, где в то время находилось посольство турок. Через пять дней, уже из-под Карловиц, он повторно взывает к Маврокордато с просьбой «снести между нами о некоторых делах государевых, чрез верных людей... прежде публичных съездов»². На этот раз ответ был получен. После нескольких пересылок, по предложению самого турецкого представителя, было решено использовать в качестве доверенного лица доктора и переводчика русского посольства П. В. Посникова: «Писаря твоего вижу много искусна, да приедет он сам, дружбу имеем...»³

Встречи состоялись 20(30), 21(31) октября, 26 октября (5 ноября) и 4(14) ноября. На первой П. Б. Возницын попытался сыграть ва-банк и сорвать конгресс, передавая через доктора («велел ему говорить») следующие предложения: туркам предлагалось заключить с Россией временное перемирие, а с остальными членами Священной лиги продолжить войну. По мнению думного советника, так как предстоящая «комиссия» не имеет шансов на успех и каждый думает только о своем благополучии, это развязывает ему руки: «...хочю поступить так, как бы то в лутчее состояние

¹ Там же. Стлб. 188. О контактах Возницына и Маврокордато в 1682 г. в Константинополе см.: *Ходырева Г. В.* Российско-турецкие переговоры 1681–1682 годов о ратификации Бахчисарайского мирного договора // *Российская история.* 2003. № 2. С. 156–158.

² ПДС. Т. IX. Стлб. 149, 165.

³ Там же. Стлб. 167.

привести, и хотя то иным будет с убытком». Помимо тайных указаний монарха определенную роль в принятии такого решения сыграли отказ австрийцев выдвигать совместные требования к Порте от всех союзников и постоянное дозирование информации во время предварительных контактов с османами и посредниками. Угрызений совести дипломат не испытывал: «Немцы и Поляки нас ссорили, и нам во всем солгали, мы им за то хотим воздать...» Среди аргументов указывалось на ослабление союзников выходом из войны самого активного на тот момент участника (России), на «скудность во всем» немцев, на предстоящую войну за испанское наследство с Францией, которая втянет и Вену, и посредников, еще более ослабляя их¹.

Возможно, в других условиях османская делегация и пошла бы на такой шаг, однако сейчас продолжение войны со Священной лигой стоило бы турецким послам жизни. Так как сам Маврокордато являлся инициатором мирных переговоров, в первую очередь с австрийцами, то поворот на 180 градусов в самом начале дипломатического форума был невозможен. В ответных словах греческий дипломат указывал: «...а что с другими не мириться, и того им некоторыми меры учинить нельзя, понеже Порта атаманская слово свое держит; а то де они не только слово дали, и подписались на основание мира...»²

На последующих встречах Посников, выступая по указанию посла за краткосрочное перемирие, продолжал убеждать Маврокордато в необходимости срочного, желательно еще до начала официальных конференций, заключения договора с московским государем. «...Чтоб немцы и иные не причитали того себе, что они нас с вами примирили». Однако османский дипломат старательно уходил от конкретных обещаний, нарушавших предварительные договоренности с посредниками и Веной. Его не устраивали и срок в полтора года, и отсутствие разрешения спорных вопросов, и опасность отступления от ранее принятых обязательств. На третьей встрече впервые прозвучал запрос о Керчи, без при-

¹ ПДС. Т. IX. Стлб. 180–181.

² Там же.

соединения которой русское посольство не могло бы заключить долгосрочный мир, как и поляки без Каменца. Поэтому, как вновь настаивал П. В. Посников, сейчас лучше «учинить толко предверия» мира, а согласование дискуссионных вопросов лучше отложить до нового посольства. Но турецкие послы, а в последней беседе к двум выпускникам Падуанского университета присоединился реис-эфенди, настаивали на длительном перемирии с разрешением проблемных «окружностей» либо принятии «надежность к вечному миру» в форме уничтожения или разорения «некоторых мест и иное»¹.

Тайные контакты показали П. Б. Возницynu невозможность достижения его главной задачи — серьезной отсрочки мирного урегулирования войны Священной лиги и Оттоманской Порты. Стало понятно, что каждый из союзников и сами турки будут стремиться заключить мирный договор на максимально длительный срок, лоббируя выгодные только себе условия за счет остальных. Османы, как предвидел русский дипломат, постараются, вызвав требования всех союзников, сыграть на противоречиях оппонентов и уменьшить территориальные потери своей страны. Думному советнику ничего больше не оставалось, как продолжать свою дипломатическую игру на затягивание конгресса (оспаривание полномочий посредников, торг по условиям соглашения, выдвижение и снятие новых условий мира и т. д.), стремясь получить от турок краткий «армистициум».

В процессе обустройства на станах и ожидания начала конгресса посольства обменивались официальными («публичне») визитами: 17(27) октября венецианский и русский послы побывали (в разное время) в гостях у цесарской делегации, в тот же день австрийцы ездили к английскому и голландскому посредникам; 18(28) октября Возницyn принимал В. Эттингена и Л. И. Шлика (привозили полномочные грамоты посредников), которые затем ездили к К. Рудзини; 19(29) октября венецианский посол посетил посредников, 20(30) октября польский делегат отдал визит представителям австрийской короны, а затем — Венециан-

¹ Там же. Стлб. 185, 212, 247–248.

ской республики; тогда же Возницын обедал у графа В. Эттингена и получил от него полномочную грамоту османской миссии; 21(31) октября русский дипломат нанес визит посредникам, которые в тот же день приезжали в стан австрийских делегатов; 22 октября (1 ноября) посредники были у венецианского посла, а на следующий день у польского; 24 октября (3 ноября) венецианский делегат виделся с представителем московского государя, которого затем посетили английский и голландский посредники (порознь)¹.

20(30) октября 1698 г. российский делегат отправил цесарцам с П. В. Посниковым свою полномочную грамоту для передачи посредникам, которые, в свою очередь, отослали ее турецкой делегации. На следующий день, передавая австрийским послам с переводчиком П. Вульфом благодарность за обед, Возницын объявляет о желании изготовить «о делех мирных... статьи» и обменяться ими с союзниками². Однако попытка раскрыть карты перед предстоящим дипломатическим действием опять встретила противодействие. То есть требования российской стороны цесарцы согласились принимать (просьбу прислали с уполномоченным 22 октября (1 ноября)) — для передачи их посредникам, свои же условия обещали переслать позже. На следующий день от Возницына путем прямого шантажа и угрозы отстранить его от переговоров потребовали немедленно предоставить письменный текст мирных предложений — «ест ли он... будет упрямиться и предложения своего не пришлет, тогда он... от миру останется, и в том бы... союзники были свободны от всякого слова». «Видя такую неволю», посол передал через подьячего «статьи... ко учинению мира»³. Первые письменные предложения мира российской стороны через посредников сразу же были посланы в турецкий лагерь. 25 октября (4 ноября) секретарь австрийских послов Тиль привез статьи с общими условиями проведения переговорного процесса, подготовленные посредника-

¹ ПДС. Т. IX. Стлб. 169–172, 175, 177, 182–183, 202, 208.

² Там же. Стлб. 187.

³ Там же. Стлб. 203–204.

ми. Однако на вопрос об обещанных «пунктах» союзников он отговорился передачей их «медиаторам», а «списков с них у себя не оставил»¹. Лишь 28 октября (7 ноября) дипломаты Леопольда I сделали ответный шаг и прислали для ознакомления свои требования к туркам.

Интересно, что в личной беседе посланник цесарских дипломатов несколько противоречил официальной позиции своего руководства. На мнение П. Б. Возницына, что «только ныне надобно у общаго неприятеля всякого удовольствия просить всем и мирчинить обще, не оставляя друг друга», он (секретарь) «сказал, что то самая истина, что во всех делех правдою поступать...»²

Официальные конференции

29 октября (8 ноября) определился окончательный порядок проведения конференций: заседания проводятся в двух помещениях («светлицах» или шатрах), расположенных в стане посредников. В первом находятся союзные послы с посредниками, во втором — турецкая делегация. Посредники курсируют между сооружениями, передавая условия, послания и слова переговорщиков друг другу. В первые два дня конференции проводят австрийцы, затем поляки, венецианцы и завершают — русские. Секретарю цесарской делегации, сообщившему информацию, Возницын сразу же заявил протест, оспаривая очередность заседаний. Руководствоваться, по его мнению, следовало честью государевой, «на которое ныне поведение весь свет смотрит». В очередной раз оспаривались и прерогативы англичан и голландцев, которых великий посол без указа государя своего «цело за посредников признати не может, только признавает за друзей и приятелей»³.

Среди других особенностей проведения переговоров можно отметить постоянное навязывание турками своих правил игры,

¹ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1698. Ед. хр. 1. Л. 18 об.

² Там же. Л. 19–19 об.

³ ПДС. Т. IX. Стлб. 235–236.

с которыми (почему-то) соглашались и посредники, и ведущие союзники (австрийцы и венецианцы). Они периодически ссылались на волю послов Блистательной Порты (причем без особых возражений) — в действиях только через посредников, в порядке проведения заседаний, во внутреннем регламенте переговоров. Османь, например, отказались брать у англичан и голландцев письменные мирные предложения делегаций союзников: «...турки не восхотели писменных наших предложений примать и своего на письме давать, также и на съездах по писму ничего не говорить, нечто на что ссылаясь, то показать...»¹ И никаких санкций или возмущения от победителей не последовало.

Официальные переговоры посольств стран Священной лиги и Порты начались 3(13) ноября 1698 г. со встречи царской и османской делегаций в доме конференций. Через шесть дней очередь дошла и до российской делегации.

Первая открытая конференция русского и турецкого посольств состоялась 9(19) ноября 1698 г. Постоянные демарши думного советника сыграли свою роль, поэтому порядок заседания значительно отличался от установленного посредниками — все участники находились в одном помещении и вели прямые переговоры через переводчиков, минуя участие «медиаторов».

После нескольких часов, наполненных как витиеватыми словесностями и историческими реминисценциями, так и вполне конкретными предложениями, стала понятна первоначальная картина установок каждой из сторон. В дальнейшем в ходе дипломатического «торга» позиции не раз будут меняться, зачастую на прямо противоположные. Всего же двумя сторонами было проведено шесть официальных (9(19), 12(22) ноября, 22 ноября (2 декабря), 30 ноября (10 декабря), 10(20) декабря 1698 г. и 14(24) января 1699 г.) и несколько неофициальных встреч. Кроме того, состоялись отдельные консультации П. Б. Возницына с посредниками без участия турецкой миссии.

¹ ПДС. Т. IX. Стлб. 290.

Первоначальные официальные требования российского посла по основным позициям совпадали с условиями остальных делегаций: установление мира, сохранение завоеванных территорий, некоторое «приращение» для покрытия убытков, обмен пленниками, запрет нападений друг на друга, свободная торговля купцов, свобода вероисповедования для православных христиан (католические страны выдвигали аналогичный запрос для своей конфессии). Однако при возникновении затруднений основная дискуссия сузилась до вопроса о приднепровских городках, которые стали камнем преткновения. Когда же стало ясно, что ни одна из сторон не может уступить, в качестве компромисса решили заключить двухгодичное перемирие с переносом решения всех проблемных вопросов в ведение будущего посольства.

Для наглядности картина трансформации требований оппонентов представлена в виде таблицы, состоящей из последовательных 15 этапов-стадий, определяемых по дате, источнику или месту обнародования информации. Для каждой из стадий обозначена позиция российской или османской стороны, или обеих вместе.

Одновременно турки проводили переговоры с остальными союзниками. По подсчетам Гузевичей, состоялось 39–40 официальных конференций, в том числе 25–26 встреч с австрийцами, семь — с венецианцами и семь — с поляками¹.

Несмотря на желание посредников и австрийцев превратить конгресс в четыре изолированных — австро-турецкий, венециано-турецкий, польско-турецкий и русско-турецкий — съезда, периодически между участниками происходили переписки. В основном они инициировались российской стороной, с самого начала оспаривавшей распорядок переговоров и прерогативы посредников. В трудных случаях Возницын обращался как к австрийцам и венецианцам, так и к самим посредникам.

¹ Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д. Великое посольство: Рубеж эпох, или Начало пути: 1697–1698. С. 113–115.

Дата, источник или место обнаружения информации	Позиция российской стороны
23 октября (2 ноября) 1698 г.; первая редакция официальных статей (на лат. яз.) российской делегации, посланных по требованию австрийцев для передачи через посредников туркам (Стлб. 204–208 ¹ ; в кратком варианте в почте в Москву от 29 октября — Стлб. 238–239)	1. Восстановление мира и дружбы. 2. Оба самодержца (царь и султан) владеют, «чем ныне кто владеет». 3. За убытки от татар и воинские расходы уступка царскому величеству города Керчи в устье Азовского моря. 4. Запрет нападения подданных царя и султана друг на друга, при своеволии — наказание смертью. 5. Обмен пленными без выкупа. 6. Разрешение свободной торговли купцам обеих стран с оплатой обычных пошлин. 7. Возврат Гроба Господня во владение Иерусалимского православного патриарха. 8. Предоставление «свободы и волности без всякаго отягчения и лишних податей» всем православным мирянам и представителям церкви на территории Османской империи ² . 9. Ратификация данного договора царем и султаном в течение 7–8 месяцев с обменом соответствующих грамот. 10. Принесение присяги, подписание и приложение печати послами обеих стран к текстам договора
9(19) ноября 1698 г.; первая официальная русско-турецкая конференция, устные выступления Возницына и Маврокордато (Стлб. 253–261)	1. Желание российского монарха быть «в дружбе и любви» с Портой. 2. Заключение мира на основании, предложенном посредниками, — «uti possidetis» («цело и чисто, безо всякого противного толмачения»). 3. Уступка русскому царю Керчи в возмещение убытков от набегов крымских татар ³ . 4. Удержание султаном крымского хана от нападений на российские рубежи. 5. Отказ от выплаты дани Крыму

¹ В таблице вся информация основана на опубликованной посольской книге П. Б. Возницына. Для краткости ссылки на столбцы издания (Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. IX) будут приводиться по каждому этапу в первой колонке.

² Абсолютно во всей историографии данный пункт интерпретировался как «обеспечивающий покровительство России православным подданным султана», давая первой «право вмешиваться во внутренние дела» Турции. См.: *Богословский М. М.* Указ. соч. Т. III. С. 393.

³ Согласно статейному списку османские дипломаты, услышав запрос на отдачу Керчи, сильно удивились: «И когда турецкие послы то услышали, в великое изум-

Позиция турецкой стороны

1. Желание султана «усмирить» ссору, вернув дружбу и приязнь.
2. Согласие с «uti possidetis», но с некоторыми «приращениями».
3. Получение «приращений» в форме возврата Азова и ликвидации («испражнение») приднепровских городков (Казыкермень, Тавань, Гарсланкермень, Шингирей)⁴.
4. Восстановление «дачи» крымскому хану — «поминок»

ление пришли, и вдруг во образе своем переменилися и друг на друга погляда так красны стали, что болши того не возможно быть, и немало время молчав и с собою шептав, говорили, что они того не чаяли». Такая реакция была не более чем дипломатической игрой перед благодарными зрителями в лице посредников, так как еще в статьях 23 октября (2 ноября) и при тайной встрече 26 октября (5 ноября) русская сторона информировала турок о данном требовании. Кроме того, вопрос о Керчи обсуждался еще в Вене с австрийскими сановниками самим Петром I.

⁴ Городки-крепости Казыкермень (Кызы-Керман), Тавань (Эски-Таван), Гарсланкермень (Аслан-Кермен) и Шингирей (Шангирей), находившиеся в низовьях Днепра, были захвачены в ходе военных кампаний 1695–1697 гг. армией Б. П. Шере-

Дата, источник или место обнаружения информации	Позиция российской стороны
12(22) ноября 1698 г.; вторая официальная русско-турецкая конференция, устные выступления Возницына и Маврокордато (Стлб. 262–266)	1. Установление мира и дружбы на «основании, како кто владеет». 2. Отказ принимать «Утверждение» Кинского в отношении русского и польского послов, так как оно касалось только австрийцев и венецианцев и «отпущен тот лист» без совета с царем и его дипломатами. 3. Заключение краткого перемирия из-за пока не преодолимых трудностей (вокруг приднепровских городков). 4. Условием согласия с турецким «приращением» выдвигается встречное требование — «очищение» османских городов — Очакова, Белаягорода, Килии («и всех тамошних татар вывести за Дунай»)
20(30) ноября 1698 г.; тайные визиты П. Посникова к Маврокордато и священника грека к П. Б. Возницыну (Стлб. 294)	
22 ноября (2 декабря) 1698 г.; третья официальная русско-турецкая конференция с предшествующей встречей русского посла с посредниками (Стлб. 295–299)	1. Закрепление приднепровских городков за Россией, так как они являются помехой в нападениях татарских орд на ее земли и на другие страны Европы. (Проезд по землям для мирных путников будет через эти земли «волно и безопасно».) 2. Высказывание сомнения в способности турок в «унятии» татар (что уже происходило по договору 1681 г.). 3. Отказ от требования передачи Керчи российской стороне. 4. Решение отложить определение границ до будущего посольства, которое привезет ратификационную грамоту

метьева. Иногда упоминаются еще Мустрит-Кермен и Мубарек-Кермен. Основная причина упорства османской делегации в желании вернуть их в собственное владение или на крайней случай уничтожить заключалась в стратегическом положении данной местности. С одной стороны, здесь находилась крупнейшая переправа через Днепр, связанная с основными путями перемещения крымских «орд» с востока на запад как с военными (набеги в Европу), так и с мирными (кочевье) целями. С другой стороны, эти крепости запирали выход для запорожских казаков в Черное море.

<p style="text-align: center;">Позиция турецкой стороны</p>
<p>1. Согласие с «основанием», но с «притяжением, какову ему быть подобает», со ссылкой на «утверждение» министров цесаря и венетов («лист графа Кинского»), присланное от всех союзников, что «при том основании испражнение или разорение и иные окружности подобают быти». 2. Заключение только полного мира или длительного перемирия. 3. Категорическое неприятие «приращения» в пользу русской стороны</p>
<p><i>(объявлено тайно)</i> 1. Желание турок мира с царем «паче иных». 2. Уступка Азова России. 3. Исключение крымского хана из соглашения (он должен сам договариваться о мире). 4. Отказ в уступке приднепровских городков⁵</p>
<p>1. Возврат приднепровских городков Порте, так как они будут сдерживать крымского хана от набегов — «примут их в руки не по-прежнему и, отставя саблю, заставят их плуг тянуть». Нужность городков и для сохранения сухопутного пути по северным владениям султана. 2. Уступка Азова России. 3. Определение необходимости обозначить границы спорных земель</p>

⁵ Среди дополнительных аргументов к заключению мира на турецких условиях, переданных через духовника Маврокордато, были опасения возможных гонений турок-мусульман на православные церкви и христиан, вплоть до физического уничтожения духовных лиц, включая патриархов. Как писал М. М. Богословский, «это заявление имело целью затронуть религиозное чувство Возницына... Оно, кажется, достигло цели». См.: *Богословский М. М.* Указ. соч. Т. III. С. 404.

Дата, источник или место обнаружения информации	Позиция российской стороны
<p>25 ноября (5 декабря) 1698 г.; «образцовое письмо» (на лат. яз.) для утверждения мира, посланное к австрийским и венецианским послам, — вторая редакция официальных статей российской делегации (Стлб. 309–314)</p>	<p>Общее декларирование договоренности о дружбе, любви и мире между союзными государствами и Портой. 1. Мирное соглашение о кратком перемирии⁶ на принципах «кто владеет, тако да владеет». Продолжение перемирия осуществляется через послов. 2. Полный запрет походов на земли России для всех «орд», подвластных турецкому султану; обещание нарушителей «смирить и казни предать». 3. Решение отложить развод земель и установление границ до посольства, которое поедет к султану за ратификационной грамотой. <i>Дополнение</i> (по предложению австрийцев): установление границ с учетом «кондиций», заключенных австрийским императором, польским королем и Венецианской республикой с Портой, с которыми при последующих изменениях «всегда в том же миру, на своем согласии, пребывать будет». 4. Полный обмен пленными. 5. Свободное передвижение (по территории оппонента) и торговля для купцов двух стран, включая земли Крыма, с уплатой обычной пошлины на местах. 6. Возврат Гроба Господня во владение Иерусалимского православного патриарха. 7. Предоставление «свободы и волности без всякаго отягчения и лишних податей» всем православным мирянам и представителям церкви на территории Османской империи. 8. Ратификация данного договора царем и султаном с обменом соответствующими грамотами через посольства, которые должны встретиться в Азове и Керчи. 9. Закрепление договора принесением присяги, подписанием и приложением печати послами обеих стран</p>

⁶ В оригинальном документе оставлен пропуск в числе лет, на которое заключается перемирие.

Позиция турецкой стороны

Дата, источник или место обнаружения информации	Позиция российской стороны
30 ноября (10 декабря) 1698 г.; встреча русского посла с посредниками, трансформировавшаяся в полуофициальный съезд с А. Маврокордато (Стлб. 316–320)	1. Сохранение за Россией приднепровских городков. 2. Разрешение ситуации исключительно на переговорах в Карловицах. В случае неудачи — продолжение войны. 3. Возможность установления мира только с использованием «чистого» основания «кто чем владеет». 4. Исключение возможности краткого «мирка», так как его не примут союзники. 5. Стремление царя к миру; при невозможности его достижения и потере союзников — готовность к продолжению войны с Турцией один на один
3(13) декабря 1698 г.; поездка П. В. Посникова к А. Маврокордато, из слов турецких послов (Стлб. 333–334)	
7–8(17–18) декабря 1698 г.; обмен письмами между П. Б. Возницыным (на лат. яз.) и А. Маврокордато (на греч. яз.) через П. В. Посникова и попа Григория (Стлб. 349–354)	1. Заключение дружбы и мира «в образ перемирия» на два года. 2. Запрещение походов на земли России всех войск и «орд», подвластных турецкому султану («нарушителей смирить и казни предать»). 3. Запрещение военных походов на земли султана со стороны России. 4. Обмен посольствами в эти годы для установления вечного мира или длительного перемирия, к которому присоединится крымский хан. 5. Закрепление договора принесением присяги, подписанием и приложением печати послов обеих стран
10(20) декабря 1698 г.; четвертая официальная русско-турецкая конференция, устные выступления (Стлб. 361–365)	1. Установление краткого перемирия в надежде на вечный мир. 2. Включение вышеуказанных статей (от 7 декабря). 3. Невозможность выполнения обязательства о направлении послов в Царьград и запрете обновления и строительства крепостей. 4. Необходимость написания договорных писем с выверкой текстов с помощью секретарей

Позиция турецкой стороны

1. Перенос обсуждения вопроса о приднепровских городках до приезда к султану посольства с ратификационной грамотой. 2. Объявление согласия на «малое» перемирие — «армистициум». 3. Категорический отказ уступки городков

1. Невозможность заключения долгосрочного мира без возвращения приднепровских городков. 2. Согласие обоих турецких послов на малое перемирие

1. Постановление о двухлетнем перемирии. 2. Обязательное заключение вечного мира или длительного перемирия в Константинополе во время двухлетнего перемирия («да обновилась древняя любовь»). 3. Запрет ведения враждебных действий со стороны Московской державы и подвластных ей людей (в том числе казаков) против мусульманских земель; аналогичный запрет для подданных турецкого султана, включая крымских татар (нарушителей следовало ловить и заключать в темницы). 4. Присоединение к постановлению крымского хана. 5. Утверждение договора полномочиями послов, скрепление их подписями и приложением печати

1. Поддержка перемирия на два года. 2. Обязательное (в будущем) заключение вечного мира послами, присланными царем в Царьград. 3. Запрещение обновления и строительства крепостей (по совету английского посла). 4. Необходимость написания договорных писем с выверкой текстов с помощью секретарей

Окончание таблицы

Дата, источник или место обнаружения информации	Позиция российской стороны
12(22) декабря 1698 г.; «образцовое договорное» письмо (третье) российского посла, переданное туркам с П. Посниковым, и устное дополнение турок (Стлб. 368–371)	Церемониальная преамбула с титулами правителей и послов. 1. Объявление с 25 декабря 1698 г. мира на два года. 2. Заключение в этот срок через послов вечного мира или длительного перемирия «через какой ни есть лутчей изыскав способ». 3. Прекращение любых враждебных действий в отношении друг друга как со стороны московского государя и подвластных ему людей, так и со стороны турецкого государства и его подданных. 4. Поимка нарушителей договора и заключение в темницы, где «мучатся неотменно и незаступно». 5. Присоединение к постановлению крымского хана. 6. Утверждение договора полномочиями послов, скрепление их подписями и приложением печати
18(28) декабря 1698 г.; «образцовое» договорное письмо (на лат. яз.) турецких послов (Стлб. 382–386)	
20–21(30–31) декабря 1698 г.; тексты (2 экз. — на турец. и лат. яз.) договора, переданные турками посредникам	
24 декабря 1698 г. (3 января 1699 г.); тексты (2 экз. — на рус. и лат. яз.) договора, переданные П. Б. Возницыным посредникам	Полностью соответствуют письму от 12(22) декабря (см. выше)
14(24) января 1699 г.; официальное подписание текста двухлетнего перемирия, датированного 25 декабря 1698 г. (4 января 1699 г.), на последних условиях	

Позиция турецкой стороны

Необходимость дополнения: 1. О посылке послов в Царьград. 2. О запрете строительства и починки крепостей

Инвокация (посвящение Богу) с преамбулой, включающей расширенный титул султана и краткий царский, титулы послов и посредников. 1. Объявление с 25 декабря 1110 г.⁷, т. е. от Рождества, постановления на два года, в течение которых требовалось заключить договор о вечном мире или длительном перемирии. 2. Прекращение любых враждебных действий в отношении друг друга. 3. Поимка нарушителей договора и заключение в темницы. 4. Присоединение к миру крымского хана. 5. Утверждение договоров (на рус., лат. и турец. яз.) полномочиями послов, скрепление их подписями и приложением печати

Полностью соответствуют письму от 18(28) декабря (см. выше)

⁷ Дата указана по европейскому календарю, а год – по мусульманскому.

10(20) ноября 1698 г., после первой конференции с турками, думный советник нанес визиты союзникам, прося поддержки своих требований и обещая оказывать ответное вспоможение (полякам просьба направлялась в письменном виде). Вместо реальной помощи он услышал лишь устные обещания, сопровождаемые настойчивыми рекомендациями отказаться от приднепровских городков (и это после первого дня официальных контактов) и ускорить переговоры. Вновь прозвучали угрозы оставить Россию одну в состоянии войны — «...и нечто де царское величество хочет один в войне остаться, потому что у них дела уже к окончанию приходят... и в том бы на них не пенял, что их не послушает»¹. Через три дня (после второй конференции) на призыв русского посла надавить на турок, пригрозив им сворачиванием переговоров, австрийцы по-прежнему «сердитуюсь говорили, чтоб он им таких слов не говорил: естли де не хочет мирится, кто его на силу заставлявает, а в их миру для чего он указывает?» В ответ думный советник напомнил о необходимости выполнения ими «союзного обязательства»².

14(24) ноября Возницын жаловался посредникам на «неправду» турок, на ложность толкования ими «листа Кинского», на вымогательство, «что отнюдь поступить не мочно». На распросы об Азове и приднепровских городках им была предпринята попытка убедить англичанина и голландца в важности для европейских соседей Османской Порты сохранения за Россией этих территорий. По его словам, данные крепости вызывали затруднения в движении крымских и других татарских орд при нападениях на приграничные земли как Польши, так и самой державы Габсбургов. «Остатним» (т. е. последним) словом он заявил о невозможности отдать городки, даже если все союзники его бросят»³.

С польским делегатом контакты были менее активными и проходили через обмен посланиями и обещания поддержки. 13(23) ноября С. Малаховский прислал предложения польской

¹ ПДС. Т. IX. Стлб. 261.

² Там же. Стлб. 267.

³ Там же. Стлб. 264, 272–273.

стороны. Оба посла обещали друг другу «в делех обоих великих государей общее радение и согласие» при контактах с турками¹.

20(30) ноября состоялась встреча со всеми союзными послами, на которой Возницын вновь указал на недопустимость возвращения приднепровских городков, требуемых турками «не праведно и злобно». Послы ссылались на действия османских дипломатов и в отношении них самих, что «турки ко всем к ним такими ж меры поступают и в своих запросах крепко стоят». Например, австрийцы, по их словам, отдали больше шести местечек и городов, включая земли вокруг Темишевара; поляки за Каменец вернули все завоевания в Валахии (несколько городков); а венецианцы поступились многими землями, в добавление к которым представители султана требовали крепости Превез и Румелин.

22 ноября (2 декабря) Возницын приезжал к австрийцам и венецианцам с сообщением о третьей русско-турецкой конференции, в ответ услышав увещевание о скорейшем «склонении» к миру и рассказ, что союзники постоянно поддерживают его требования на съездах с турками, грозя им не мириться без России. Однако если он, великий посол, не покажет крепкую склонность к миру, «то они и одни мир учинят, потому что им весть далее войны не возможно». Также они упомянули, что попытались однажды потребовать получения Керчи, на что реис-эфенди «как услышал, аж взбесился и из рук тот бумажный лист бросил, и пошел было вон...»² Здесь мы видим хитрый дипломатический ход со стороны австрийцев. Д. Ю. и И. Д. Гузевичи полагают, что этими действиями венские дипломаты оказали помощь российскому послу и устроили демарш туркам, причем сделано это было по прямому указанию Леопольда I³. Однако услуга явно оказалась «медвежьей». В той обстановке, когда и требования турок на возврат Азова, и запрос русских на получение Керчи были взаимно сняты, а камнем преткновения являлись при-

¹ Там же. Стлб. 268–269, 274–275.

² Там же. Стлб. 299–300.

³ *Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д.* Великое посольство: Рубеж эпох, или Начало пути: 1697–1698. СПб., 2008. С. 116–117.

днепровские городки, такой шаг лишь ухудшил ситуацию. Османская делегация хотя и склонялась к уступке «московитам», вновь выступила за ужесточение условий договора.

25–26 ноября (5–6 декабря) думный советник направил для обсуждения в станы всех союзников новые «образцовые» статьи о перемирии. После некоторой корректировки проект договора 28 ноября (8 декабря) был переслан посредникам, которые через два дня пригласили Возницына на очередную встречу. 30 ноября (10 декабря) состоялась полуофициальная конференция московского посла с великим драгоманом, инициированная посредниками во время разговора с думным советником. 1(11) декабря, впервые после обмена церемониальными визитами, в русском стане побывал К. Рудзини. Из разговора с ним подтвердилось намерение союзников пойти на заключение мира с Османской империей, проигнорировав интересы России. Венецианцы, не имея сил и возможностей на продолжение войны, не поддержали предложение сохранить наступательный союз с русским царем. Беседы с польскими посланцами, приехавшими 1(11) и 3(13) декабря от С. Малаховского, окончательно убедили Возницына в вероломстве бывших соратников¹. 3(13) декабря к царям был послан П. В. Посников, который безуспешно требовал от них, согласно «союзному обязательству», отказа от мира с турками без согласия с российской делегацией².

К концу ноября отсутствие дополнительных инструкций сильно встревожило русского дипломата. Возможно, ему казалось, что окончание длительных переговоров подписанием краткого перемирия с турками, которое лишь временно «замораживало» ситуацию, но ничего не решало, вызовет недовольство государя. В шестой и седьмой почтах (25 ноября (5 декабря) и 2(12) дека-

¹ Помимо всего прочего Речь Посполитая, согласно условиям Вечного мира 1686 г., не имела права «ни в какие договоры с Салтаном Турским и с Ханом Крымским вступать и миру чинить» без России. См.: Полное собрание законов Российской империи: собрание первое: с 1649 по 12 декабря 1825 года. Т. 2.: 1676–1688. СПб., 1830. С. 779.

² ПДС. Т. IX. Стлб. 314–330.

бря) из Карловиц в письмах к Л. К. Нарышкину он взывал о милости: «...изволишь о сем о всем донести великого государя, и его государев указ исходотайствовать...» (из последней почты). Думный советник просил конкретных указаний, как поступить с приднепровскими городками, о границах около Азова и Очакова, о «даче хану казны», о состоянии мирного соглашения с турками и татарами¹. Идти на уступки без согласия главы государства он не смел, опасался и оставить свою страну в одиночестве против столь сильного врага (несмотря на смелые заявления, сделанные в беседе с Маврокордато несколькими днями ранее).

В начале декабря 1698 г. во время наибольшего обострения ситуации с приднепровскими городками Возницын запросил от союзников десять недель на посылку гонца в Москву для выяснения четкой позиции российского монарха по поводу их уступки. Просьба была оформлена в письменном виде и 4–5(14–15) декабря разослана по посольским станам. Все «соратники» по Священной лиге отказались предоставлять отсрочку, однако австрийцы и венецианцы завуалировали это в достаточно витиеватой форме, а поляк прямо указал на «вредительнейшие» последствия, которые «так потребно мира разрушить и дело христианское по толиких благополучиях и победах сицевым образом пагубе предати»².

Перелом в русско-турецких переговорах наступил 30 ноября (10 декабря), когда со стороны османской делегации на полуофициальной встрече в присутствии посредников впервые прозвучало предварительное согласие на «армистициум». После нескольких тайных пересылок и новых попыток склонить чашу весов в свою пользу стороны на четвертой конференции 10(20) декабря 1698 г. в общих чертах договорились о двухлетнем перемирии. После активного обмена промежуточными вариантами соглашения, его черновиками, а затем и беловыми текстами обе делегации к 25 декабря 1698 г. (4 января 1699 г.) закончили оформление всех необходимых бумаг.

¹ Там же. Стлб. 308; *Богословский М. М.* Указ. соч. Т. III. С. 329.

² ПДС. Т. IX. Стлб. 334–349.

Во время последней конференции достаточно ярко проявилась сущность действий английского посредника. Как писал Возницын: «Тогда злорястным устремлением, молчав и чернев, и краснев, многой испустил свой яд английской посол и говорил: уж де это и незнамо что, что и послов в Царьград не послать!» В итоге сам русский дипломат не выдержал и, «видя его наглость и делу поруху, говорил галанскому послу, что он видит, что товарищ его дела их, вместо посредства и сходства, портит, чтоб он его от того унял, а ему сказал, что ему так говорить и дела терзать не пристойно»¹. Посредники вообще проявляли разную активность в процессе проведения переговоров: «На съезде и везде все говорит аглинский, а галанской малое что, а то все молчит»².

Хотя договор в итоге был датирован днем Рождества Христова, в реальности его подписание задержалось на три недели. Причиной стали действия венецианского посла, который не успел закончить свои переговоры с османами из-за ужесточения ими требований к Республике Святого Марка. К. Рудзини, прежде сам торопивший думного советника, оказался вынужден умолять всех союзников о его поддержке в противостоянии с дипломатами Блистательной Порты: «...венет, как угорелой, бросается ко всем к нам, просит помощи». Прокофий Богданович, воспользовавшись моментом, не преминул поддеть «непоследовательного» соратника по Священной лиге: «Я венету часто к словам говорю: они делали другим и союза не держали, и основание подписали, и к миру принудили, и прошение к продолжению войны презрели. Бог обратил то все к ним еще в вящую тягость»³.

Показывая всем свою верность союзническому долгу и оттягивая подписание договора ради венецианца, русский посол в последний момент идет на неожиданный шаг. Узнав об окончательном назначении на 16(26) января 1699 г. даты подписания договоров австрийцев и поляка, Возницын резко активизируется и организует завершение собственных дипломатических обязательств двумя

¹ ПДС. Т. IX. Стлб. 363–364.

² Там же. Стлб. 290.

³ Цит. по: *Богословский М. М.* Указ. соч. Т. III. С. 423–424.

днями ранее. 14(24) января 1699 г. состоялась торжественная церемония подписания договора о двухлетнем перемирии между Российским и Османским государствами. В ней участвовали в полном составе делегации обеих стран, посредники и много зрителей. Послы высказали друг другу множество похвальных слов и поздравлений при процедуре подписания и обмене экземплярами¹.

Через два дня остальные союзники, исключая К. Рудзини, завизировали тексты собственных соглашений с Оттоманской Портой. Вместо венецианского посла предварительный (прелиминарный) договор за Республику Святого Марка подписали австрийцы.

В последующие дни последовал обмен подарками и взаимными поздравлениями. Из-за внезапной болезни думный советник задержался с отъездом из Петроварадина, куда он перебрался из посольских палаток сразу после подписания соглашения, до 24 января (3 февраля) 1699 г. Около двух недель заняла дорога до Вены, где он остался еще на месяц. 14(24) марта 1699 г. прощальной аудиенцией у императора Леопольда I завершились официальные полномочия посла при дворе цесаря. Через два дня русский посол покинул Вену.

Итоги конгресса. Значение для России.

Результатом Карловицкого конгресса стало подписание 14(24) января 1699 г. двухлетнего перемирия между Османской империей и Российским государством, 16(26) января 1699 г. — 25-летнего с Австрийской монархией и Вечного мира с Речью Посполитой. От имени Венеции союзники (с подтверждением посредников) заключили прелиминарный договор, который требовал подтверждения правительства торговой республики в месячный срок. 5(15) февраля искомый документ, подписанный в Венеции 28 января (7 февраля), был передан в Белграде английскому и голландскому «медиаторам» для вручения османской делегации.

Наибольший успех в закреплении территориальных приобретений сопутствовал монархии Габсбургов. Она по итогам согла-

¹ ПДС. Т. IX. Стлб. 465–470.

шений получила земли центральной части Венгрии и почти всей Славонии, область Бачку и Трансильванию, которая фактически потеряла какую-либо автономию. Добиться уступки Валахии так и не удалось. Кроме того, австрийцам пришлось разрушить часть приграничных крепостей¹.

Польше был передан Каменец с Подолией и частью Правобережной Украины в обмен на уступку шести городков-крепостей в «волоской земле» (Молдавия): Сороки, Сучавы и др. Соглашение оговаривало запрет татарских набегов, свободу торговли, а также беспрепятственное отправление служб католиками на землях падишаха². Вопрос об артиллерии, находившейся в крепости Каменца, оставался на усмотрение двусторонней комиссии, которая должна была специально собраться позже.

Венеции доставались Далмация до Рагузы (Дубровника), Ионические острова и Морея. Однако она вынуждена была уступить туркам крепость Лепанто, земли к северу от Рагузы и ликвидировать укрепления Румелина и Превезы. Коринфский залив сохранялся для совместного мореплавания³.

Взаимоотношения Москвы и Стамбула фактически были заморожены на два года с обязательством отправки отдельного посольства в Турцию для выработки долгосрочного мира.

Ситуация, в которой пришлось действовать русскому дипломату, была фактически безвыходной. Добиться продолжения войны («вариант № 1») в условиях, когда все остальные участники конгресса стремились к миру, оказалось невозможным. Как писал Возницын 9(19) декабря в еженедельном отчете: «А чтоб у всех миру не было и до того не допустить, немочно того было сделать»⁴. В результате он сумел заключить двухлетнее пере-

¹ *Гусарова Т. П.* Австрийские Габсбурги в войне с османами в 1683–1699 гг. (от осады Вены до Карловацкого мира) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII веке. Т. 2. М., 2001. С. 285.

² *Артамонов В. А.* Страны Восточной Европы в войне с Османской империей (1683–1699 гг.). С. 320; ПДС. Т. IX. Стлб. 396, 419–430.

³ ПДС. Т. IX. Стлб. 580–593.

⁴ Цит. по: *Богословский М. М.* Указ. соч. Т. III. С. 413.

мирие («вариант № 2»), которое он, кстати, предлагал туркам еще 21(31) октября 1698 г. на второй тайной встрече Посникова и Маврокордато. Московский самодержец получал тем самым необходимое время для выработки окончательной стратегии российской внешней политики на ближайшие годы.

Для окончательного урегулирования вопроса о мире летом 1699 г. в Константинополь (Стамбул) было направлено посольство во главе с бывшим главой Посольского приказа думным дьяком Е. И. Украинцевым. Как и Возницын, он получил уникальный чин думного советника. Однако вызывал сомнение статус миссии — уполномоченные ехали в чине посланников. В августе на корабле «Крепость» делегация отправилась в столицу Османской империи, куда прибыла в сентябре. Встречи с турецкими дипломатами начались в ноябре 1699 г. После длительных переговоров, растянувшихся на 23 официальных конференции, 3(14) июля 1700 г. договор был подписан. Его условия по большинству позиций соответствовали соглашению о перемирии П. Б. Возницына. Исключение составили приднепровские городки, которые пришлось возвращать османам, хотя и в разоренном виде¹.

Подавляющая часть историков, оценивая действия Возницына, полагала, что в его задачу входило подписание мира на выгодных для России условиях, включая получение Керченской крепости. Для Петра же, уже решившего переориентировать свою энергию с юга на северо-запад, важно было не потерять достижения 1696 г. (захват Азова и приднепровских городков) и, получив мир, готовиться к конфликту в Прибалтике.

Если же исходить из позиции, что осенью 1698 — весной 1699 г. царь еще находился в размышлениях о сфере приложения своих внешнеполитических интересов, то становится понятной причина «молчания» монарха в ответ на запросы из Карловиц. Так как Петр I еще не определился со своими намерениями, то и подробные инструкции представителю на конгрессе не посылались. Царь работал на воронежских верфях и размышлял, Посольский приказ вел переговоры по контурам будущего Северного союза и ожи-

¹ См. подробнее: Там же. Т. V. М., 1948. С. 5—286.

дал решения монарха. Возницын мучился, страдал, слал депеши в Москву, но продолжал действовать в рамках первоначальных указаний («вариант № 1» или «вариант № 2»), которые он и привел к запасной позиции — двухлетнему перемирию, дававшему необходимую отсрочку российской дипломатии. В критический момент, когда все грозились скоро заключить мир и бросить Россию один на один в войне с Блистательной Портой, Возницын слегка запаниковал. Он уже в открытую стал жаловаться на недостаток инструкций из Москвы, опасаясь дипломатического цейтнота. Однако оказалось, что блефовал не он один. Османы в итоге приняли «план Б» русской стороны, а венецианцы оказались в тупике.

Можно предположить, что австрийцы оказались в какой-то степени переиграны русским посланцем, сумевшим зародить у турок надежду на смягчение условий предварительных консультаций. Он сам признавал в письме Петру I от 5(15) ноября: «И хотя как видом по предложению их цесарцов ничего тяжкаго нет, однако теми моими пересылками великая им препона творится, потому что турки крепко тем надуты, и чаю, то видя, легко с ними к миру не поступят»¹. Переговоры, которые вроде бы должны были для Вены благополучно завершиться в несколько дней, растянулись на месяц и почти три десятка конференций.

Из нереализованного потенциала можно отметить возможность блокирования с представителями Республики Святого Марка, о котором русский посол узнал достаточно поздно. 23 декабря 1698 г. (2 января 1699 г.) он писал: «А с венеты у немец я чаял крайней дружбы, ажно у них есть тайная антипатия: немцы не хотят того слышать, чтоб венет брал силу, потому что и так у них завладели многими городаы и места»².

Следует отдать должное австрийской дипломатии, которая сумела, несмотря на открытое и тайное противодействие союзников и турок, добиться практически всех поставленных задач. Сплетя тонкую дипломатическую интригу, венский двор привел Священную лигу к завершению долгой и кровопролитной

¹ ПДС. Т. IX. Стлб. 248.

² Там же. Стлб. 396–397.

войны со значительными территориальными приращениями, избежав прямых обвинений в нарушении союзнических обязательств. Недовольства со всех сторон было много, но, как писали Д. и И. Гузевичи, «юридически придраться было не к чему»¹. Сам П. Б. Возницын высоко оценил уровень австрийской дипломатии: «По правде немцы знают, как свои дела вести, и сей мир сильною рукою и в потребное себе время сделали»².

Но самыми, наверное, изворотливыми на конгрессе оказались турецкие послы. Находясь в положении проигравшей стороны, выступая в одиночестве против четырех союзников и полунейтральных посредников, они сумели добиться почти невозможного и вернуть часть территорий, которые не сумели отбить их войска. Все союзники, кроме России, вынуждены были поступиться частью своих завоеваний. Высокая оценка их заслуг была признана султаном, щедро наградившим своих дипломатов, и самим цесарем, присвоившим Маврокордато титул графа.

Вместе с тем у московского монарха результаты конгресса не вызвали особого восторга. Даже спустя 11 лет Петр I называл австрийских министров мошенниками, в гневе восклицая по поводу предложения восстановить дружбу с Австрией: «Дружбу! Вот так друзья! В жизни не забуду всего, что потерпел от них, чувствую, как оставили меня эти друзья с пустым карманом!» — и затем, возвращаясь к Карловицкому миру, «впал в сильный гнев»³.

Карловицкий (Карловацкий) мир подвел итог не только войны Священной лиги с турецким государством, он стал пределом наступательной политики османов в Европе. Расширению территории Османской империи был положен конец. В дальнейшем европейские государства будут проводить почти непрерывный процесс своеобразной «реконкисты» захваченных турками земель. Система Карловицких договоров вошла органической составляющей в об-

¹ Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д. Великое посольство: Рубеж эпох, или Начало пути: 1697–1698. С. 118.

² ПДС. Т. IX. Стлб. 397.

³ Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 1711 г. по 1719 г. // Сборник РИО. Т. 61. СПб., 1888. С. 35.

шеевропейскую международную систему, начало которой было положено Вестфальским трактатом 1648 г. (существует альтернативная версия, согласно которой с 1699 г. началось, наоборот, разрушение Вестфальской системы). Впервые в истории (эпоха Средневековья и раннего Нового времени) Блистательная Порта путем дипломатических переговоров установила официальные границы с европейскими государствами, также впервые был поставлен вопрос о поддержке немусульманского населения Османского государства.

По словам Т. В. Гусаровой, «Карловацкий мир, как никакой другой до него, показал тесную взаимосвязь событий и процессов международной политики раннего Нового времени: войн Габсбургов и их союзников с Францией и Османской империей, обще-европейских и локальных вооруженных конфликтов»¹.

Для российской стороны конгресс позволил приобрести неоценимый опыт взаимодействия с ведущими дипломатами ряда европейских стран и Турции. Он показал достаточно высокий уровень профессионализма московской дипломатии, ее внешнеполитического органа — Посольского приказа, ярким представителем которого являлся думный советник Прокофий Богданович Возницын. Российская держава оказалась включена в общеевропейскую систему международных отношений и договоров.

Следует также отказаться от политизированных оценок сторон Карловицкого конгресса. Ни один из участников переговоров не отличался кристальной чистотой и принципиальностью. Каждый из дипломатов руководствовался в первую очередь интересами своего государства, а не соображениями честности и порядочности. Уже давно пора признать, что в политике, дипломатии и подобных сферах деятельности данные понятия, которые применимы в межличностных отношениях, отсутствуют. И поэтому оценки «предательства» австрийцами интересов союзников, «подлости» польского посла или «вероломства» Возницына не имеют никакого смысла.

¹ Гусарова Т. П. Указ. соч. С. 286.

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

Анисимов Максим Юрьевич — канд. истор. наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН;

Виноградов Александр Вадимович — канд. истор. наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН;

Гребенщикова Галина Александровна — д-р истор. наук, профессор Санкт-Петербургского государственного морского технического университета;

Гуськов Андрей Геннадьевич — канд. истор. наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН;

Котова Елена Владимировна — канд. истор. наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН;

Кудрявцева Елена Петровна — д-р истор. наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН;

Рыбачёнок Ирина Сергеевна — д-р истор. наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН;

Санин Геннадий Александрович — д-р истор. наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН;

Сорока Марина Евгеньевна — PhD, профессор Университета Западного Онтарио (Канада)

СОДЕРЖАНИЕ

Авторский коллектив	3
<i>А. В. Виноградов</i>	
Введение. Международные форумы и их роль в истории дипломатии XVII — начала XX века. Возникновение, институциональное развитие, участие России	5
<i>А. Г. Гуськов</i>	
Россия на Карловицком конгрессе 1698–1699 годов	26
<i>Г. А. Санин</i>	
Россия на Утрехтском и Брауншвейгском конгрессах 1713 года. Ништадтский мир 1721 года	85
<i>М. Ю. Анисимов</i>	
Россия и международные конгрессы в царствование Елизаветы Петровны	131
<i>Г. А. Гребенщикова</i>	
Россия на Тешенском конгрессе 1778–1779 годов	182
<i>Е. В. Котова</i>	
Россия на Венском конгрессе 1814–1815 годов	222
<i>Е. П. Кудрявцева</i>	
Лондонские конференции 1840 и 1841 годов	263
<i>М. Е. Сорока</i>	
Россия на Парижском конгрессе 1856 года	300

<i>И. С. Рыбачёнок</i>	
Россия и Берлинский конгресс 1878 года	346
<i>И. С. Рыбачёнок</i>	
Россия и Первая конференция мира 1899 года в Гааге	403
<i>И. С. Рыбачёнок</i>	
Россия и Вторая конференция мира 1907 года в Гааге	466
<i>И. С. Рыбачёнок</i>	
Послесловие	528
Указатель имен	535

**РОССИЯ
НА МЕЖДУНАРОДНЫХ ФОРУМАХ
И КОНГРЕССАХ
XVII — НАЧАЛА XX ВЕКА**

Художник О. В. Мазурина
Выпускающий редактор *А. В. Владимирская*
Корректоры *А. В. Латунова, А. В. Савченко*
Компьютерная верстка *С. А. Хромцева*

Подписано в печать 17.06.2021.
Формат 60×90 $\frac{1}{16}$. Гарнитура «Newton».
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 34,5. Тираж 1000 экз. Первый завод 500 экз.
Заказ №

Издательство «Международные отношения»
123022, Москва, ул. 1905 года, д. 7, стр. 1
Тел.: 8 (495) 280-05-25; 8 (968) 420-33-35

Сайт: imobook.ru
e-mail: info@inter-rel.ru

Отпечатано с оригинал-макета
издательства «Международные отношения»